

76955

ВАЛЕРИЙ
КРЮЧКОВ

В ДОМ
МЫ
КРЕСТЬЯНЕ

6314
K-856

76935
К 856

СОНАТЕЛЬНЫЙ ЭМЗ
631.115

ВАЛЕРИЙ КРЮЧКОВ

**Родом
мы
крестьяне**

Республиканская научная
сельскохозяйственная библиотека

№

345456

САО ВАСХНИЛ

БАРНАУЛ
АЛТАЙСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1990

Редактор В. Тарасова

Откуда есть пошла...

Есть в Третьяковском районе среди уютных горушек Рудного Алтая в месте впадения речки Таловки в Алей небольшое село. В повседневности зовут его Екатериновкой, а то и вовсе по-свойски — Катериновкой. А между тем селу без малого два с половиной века, возраст почтенный, и уж на дорожном указателе перед въездом следовало написать правильное название — «Екатерининское». К слову, село с таким названием на Алтае единственное, чем вправе гордиться жители.

Первое упоминание о «Екатерининской деревне» относится к 1782 году, когда в России проводилась четвертая по счету «ревизия», то есть перепись населения, говоря по-нынешнему. Вот что записано в «ревизийской сказке»:

«Староста Пимен Назаров по силе Ее императорского величества и в народ опубликованного Манифеста, даю сию сказку в том, что помянутая Екатерининская деревня вновь заведена после бывшей в 1763 году ревизии, заселена в 1766 году вывезенными из Польши бегло-российскими, оставшимися от выбора для формирования вновь в Сибири пехотного Томского и Селегинского полков неспособными к службе за старостью и болезнями людьми».

И далее: «По силе высших правительственных повелений о заселении в Сибири порожних, к хлебопашеству угодных местах... прибыли после ревизии в разные времена как сдаваемые в зачет рекрутов на поселение, так и освобожденные из тюремных острогов, наказанные кнутами, каторжные колодники и определенные за преступления».

Итак, село Екатерининское образовалось в 1766 году. Но появилось оно не на голом месте, прежде здесь было военное казачье поселение, охранявшее самые южные в Сибири рубежи Российской империи. Вспомним историю.

В конце XVI века после падения Сибирского ханства

Крючков В. Р.

К 78 Родом мы крестьяне. — Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1990. — 72 с., вкл.

Полная драматических страниц история советского крестьянства привела страну к крайне тяжелому состоянию. Процесс «раскрестьянивания», до конца не остановленный до сих пор, десятилетия уничтожал в земледельце чувство хозяина, превращал его в наемного работника. О том, как они жили, живут и думают жить завтра, рассказывают труженики колхоза «Сибирь» Третьяковского района, люди разного возраста и социального положения — их объединяет привязанность к земле, тревога за ее будущее.

Рассчитана на массового читателя.

К 1805080000—41
М 138(03)—90 8.1990

УДК 631.115.7

ISBN 5-7405-0047-8

©, Крючков, 1990.

началось интенсивное освоение русских земель «за Камнем» — за Уралом. Всего один век — XVII — понадобился для колонизации обширных территорий вплоть до Тихого океана. А вот Южная Сибирь, издревле бывшая местом обитания многочисленных воинственных племен тюркского происхождения, осваивалась куда труднее и дольше из-за упорного сопротивления кочевников.

Для закрепления границ вновь освоенных земель и устраивались оборонительные сооружения, говоря современным языком — погранзаставы. В зависимости от величины гарнизона они делились на крепости, форпосты, маяки и полумаяки. В 1718 году была построена Бийская крепость, через два года — Усть-Каменогорская, постепенно они соединились цепью укреплений помельче. На северо-восток от Бийска линия тянулась до Кузнецка (нынешняя Кемеровская область), и вся эта цепь называлась Колывано-Кузнецкой военной линией.

С ее возникновением остро встал вопрос о снабжении многочисленного служивого люда продовольствием, а животных фуражом. Первое время продовольствие и фураж доставляла из окрестностей Тобольска и Тюмени, что было очень дорого. Особенно стало плохо со снабжением после перехода горных заводов в собственность царской фамилии, с увеличением числа «бергалов»-крестьян, приписанных к рудникам и заводам. Потому-то и появилась нужда развивать хлебопашество в непосредственной близости от военной линии. Так на месте Екатерининского возникло поселение «государственных крестьян». Так что временем рождения села, строго говоря, следует считать год, когда появился на карте Екатерининский форпост.

Он получил название в честь царицы Екатерины I, жены Петра I, так же стало именоваться и село. А вот невысокая гора Маяк рядом с селом скорей всего прозвана так потому, что именно с нее вели наблюдение дозоры казаков и при появлении на горизонте кочевников «маячили» тревогу. Впрочем, это лишь предположение, которое, возможно, заинтересует здешних школьников-краеведов.

Интересно, кто же был в числе первых жителей Екатерининского? Согласно той же ревизской сказке основывали село «вывезенные из Польши бегло-российские посельщики». Наверное, отсюда и родилась молва, что первооткрывателями были поляки, сосланные в Сибирь за бунт против царя. В действительности же речь идет об исконно русских крестьянах, чьи отцы и деды бежали в Польшу, на окраину империи, либо от нещадной эксплуатации помещиков, либо по

религиозным убеждениям. Последние не приняли новой, Никонианской веры и скрывались по труднодоступным российским углам. В Сибири их звали (да и сейчас еще они встречаются) кержаками. Не однажды Петр I велел «по границам на заставах беглецов, кои из России бегут в Польшу, ловить и расспрашивать, и, бив кнутом, отсылать в те провинции, отколь бежали».

К середине XVIII века влияние России в Польше значительно усилилось, и власти могли возвращать своих подданных не только с границы. Вышел указ, по которому беглых приглашали добровольно вернуться в Россию и поселиться в местах дальних, необжитых. В список таких мест входили и земли ведомства Усть-Каменогорской крепости. Добровольцев находилось немного, ибо слово «Сибирь» было равнозначно понятию «каторга». Большинство беглых этапами, под конвоем шло обживать новые земли.

Сибирские поляки стали первооткрывателями села, однако было их немного в общем числе новоселов, следовавших на жительство в Екатерининское. Большую часть составляли государственные крестьяне, добровольно пожелавшие хлебопашествовать на вольных землях.

Селились здесь и «великорусские посельщики». Так именовались сданные в счет рекрутов крепостные. Государственным и крепостным крестьянам сенатским указом 1762 года нарезалось на новом месте по пяти десятин пашни на семью, на 50 копен покосов, выдавалось по 54 пуда семенного хлеба в долг. Кроме того, семья имела право купить лошадь из расчета пять рублей за голову.

И наконец, немало было арестантов, которым острог заменяли ссылкой, а также «беглых» крепостных.

Совсем небольшую часть составляли отставные солдаты, «списанные по ненадобности к службе» из Томского пехотного и Селегинского карабинерского полков.

Всего в 1782 году в Екатерининском учтено 93 «души мужеского пола» и 95 «женского».

Вот небольшая выдержка из ревизской сказки 1782 г.: «Григорий Бабинцев. Казанской губернии, города Хлынова, деревни Гавриловской государственный крестьянин. По его желанию переведен на жительство»;

Захар Родионов. Города Владимира, помещика Ронменнера крестьянин. За тяжбу наказан плетью и сдан в зачет рекрута на поселение;

Максим Сергеев. Вывезен из Польши бегло-российский посельщик;

Захар Федотов. Орловского уезда, села Корсакова, по-

мещика Чернова крестьянин. За убийство помещика назад тому 16 лет наказан кнутом, ноздри рваны, послан в ссылку. Тобольским губернатором генералом-поручиком Чичериным освобожден и послан на поселение;

Антон Потапов. Города Ярославца фабриканта Гончарова крестьянин;

Трофим Блохин. Города Калуга, помещика Гончарова крестьянин;

Филат Емельянов. Города Москвы полковника Зорина крестьянин».

Как видим, крестьяне из разных мест России начали обживать этот дикий и пустынный уголок «азиатской земли». Сколько же сил и терпения понадобилось им, чтобы зацвела голая суровая сторона...

Поклон им земной от правнуков!

Куда как интересно было бы, окунувшись в архивы, изыскивая свидетельства событий минувших веков, написать историю старинного сибирского села. Надеемся, что громадный этот труд сделают местные краеведы при создании музея.

Наша задача скромнее: хотя бы бегло рассказать, как жили сельчане последние десятилетия, начиная с середины двадцатых годов, чем живут сейчас. Очерки построены на беседах с ныне здравствующими людьми разных поколений. Автор старался не «причесывать» своих героев, не подводить их мысли и рассуждения под общий знаменатель. Агафья Ермолаевна Андреева и Дмитрий Климович Степанов, о которых рассказано в первом очерке, люди старшего поколения, коренные екатерининские. Общее в их жизни то, что жили они в одно время и судьбы их схожи с судьбами сотен односельчан. Даже благополучней многих: у каждого своя крыша над головой, взрослые дети, уважение соседей.

Ермолаевна и Климыч

В 1922 году в семье крестьянина родился сын, нареченный по святцам Дмитрием, что значит «земледелец». Что ж, и отец Клим Михайлович, и дед, и прадед — несколько поколений Степановых пахали землю.

Радоваться бы: мужик растет, хозяин, помощник. Но когда еще вырастет, а есть-пить сегодня надо и завтра, и каждый день. В семье, кроме Митьки, рос Николай четы-

рех лет, двухлетний Ваня, а Клим Михайлович вернулся с гражданской войны инвалидом, тяжелую крестьянскую работу делать не мог, так, по мелочам. Митьке было девять лет, когда отец, уже наполовину разбитый параличом, утонул у Гольцовской мельницы. К тому времени в семье добавилось еще двое малышей — Аня и Володя.

И сейчас, в наше относительно сытое время, Дарье Яковлевне Степановой жилось бы несладко, но уж помогло бы государство — голодными и разутыми не ходили. А чем оно могло помочь в те суровые годы? Молодая Республика Советов боролась за то, чтобы самой выжить, стать на ноги любой ценой. В эту цену входили и многие жизни людей...

Степановы выжили. Но следом накатила Великая Отечественная и по трем старшим сыновьям прошла вся тяжесть. В самые первые дни войны погиб Иван, служивший срочную службу во Львове. Как погиб, где похоронен, так родные и не узнали. «Пропал без вести», — было сказано в казенной бумаге. Куда ни обращался после войны Дмитрий, следов брата так и не нашлось.

Старший, Николай, провоевал всю войну шофером, и уже после Победы получил разрывную пулю от фашистского недобитка, вернулся инвалидом.

А Дмитрий... По статистике с полей Великой Отечественной вернулось около трех процентов мужчин, родившихся в 1920—1924 годах. В их числе и Дмитрий Климович Степанов.

Но вернемся в двадцатые годы. Жили Степановы впроголодь, ели что уродит огород, сдобривая пищу молоком от буренки. Ребятишки рыбачили, не для забавы, хотя и для нее тоже. Ловили сусликов, шкурки сдавали в кооператив, сусличье мясо считалось лакомством. Одежка по большей части была самодельная: сеяли лен, коноплю, выделывали пряжу, ткали, красили холсты отваром луковой шелухи или шиповника. Квасили, мяли, дубили кожи, шили грубые «мокроступы» — лаптей Сибирь не знала. Мешали навоз с соломой, топтали, набивали самодельные деревянные формы, сушили — готовили топливо на зиму, князя. Если вместо навоза пустить в дело глину, получался саман, из которого можно сделать хоть и плохонький, а все-таки домишко. Всякую малость в хозяйстве старались делать сами, никто ведь не принесет. Замачивали осенью, к примеру, огуречную ботву до тех пор, пока не становилась она прозрачно-белой, сушили, перебирали, вот тебе и вехотки. Хоть сам мойся, хоть для полов и чугунов годятся.

Агафья Ермолаевна: Все, все сами делали. А иначе как? И все работали в доме — старые и малые. Ребенок с малых лет помогал, три-четыре года парнишке, глядишь, в избе подметает или курей кормит.

Нам полегче жилось, чем Степановым, Ермолай Леонтьевич, отец наш, мужик был крепкий, хозяйственный. А все одно, поди накорми-одень такую ораву: шестеро девок малолетних, парнишка, самих двое да бабушка — десять получается! Ныне таких семей не встретишь. Держали в одиноличное время, при Советской уже власти, две коровы, три лошади, свиною-другую, а птицы уж и не помню, знали ли счет.

Хоть трудно было, а не голодали, не мерзли и жили по справедливости. Приедет землемер из Змеиногорска, миром глядели, чтоб ровно нарезал куски, никого не обидел. Пашни и покосов полагалось по десятине на душу. А если человек еще не родился, ему десятина все равно вырешалась. А чтоб не путаться после в казенных бумагах, загодя крестьяны устраивали; называли Сашей либо Женей — чтобы и парню и девке подошло имя-то. Если в семье был приемыш, нарезали на него две доли, вроде «спасибо» говорили за признание сироты.

Кроме прочей помощи дома и в поле я с десяти лет ходила каждый день, как на работу, ияичить двоюродного брата. И, не глядя, что родня, они в урожай платили мне шесть пудов полбы. Нынче не знают, что это пшеница дикая, на корм скоту идет. И так все — несли в дом кто что мог.

Наша семья не голодала, но случалось, до пшеницы хлеба не хватало, приходилось занимать. Тогда шли к старшей моей сестре Евдокии, она была замужем за богатым мужиком. Иван Тарасович Степанов (Климичу не родня, у нас Степановых много), разбогател своим умом да горбом. С двумя братьями изладили они добрую водяную мельницу и с утра до ночи рушили на ней зерно. Мы, девчонки, завидовали старшей сестре, горя не знает за таким мужиком. Знать бы, какая судьба ихнюю семью ждет...

Помогали друг дружке не только родня, понимали — нынче у тебя беда, а завтра я к тебе на поклон приду, по-людски жили. Магазины, помню, большущий бревенчатый стоял, а при нем лабаз. Туда крестьяне излишки сносили — пшеницу, рожь, ячмень, горох — у кого что было. Тот лабаз вроде кассы взаимопомощи был. Мало ли что может случиться: пожар, посевы градом побьет у кого... Расчеты промеж собой строгие вели, это само собой, но если кто в помощи отказал, нажил бы себе худую славу.

Наша семья расписана была в маломочные середняки, посередке, выходит, меж беднотой и середняками. Ни в коммуны, ни в ТОЗики мы не вступали, как отца активисты и поломошные не агитировали. «Поломошными» у нас уполномоченных звали, много их было тогда с района. Я сопливой была, однако собиралась в комсомолки поступать и дома за коммуны агитировала. «Погоди, дурочка, сама увидишь, что с твоей коммуной будет!» — говорил он.

И вот чего с коммуной «Новое время» стало. Активисты отобрали у зажиточных «излишки», свое барахлишко и животину в кучу стаскали и начали добро проедать да пропивать. В нашей Катериновке ведь кому худо жилось: Детей у кого шибко много было, это само собой. Несчастье если — кормилец помер либо на войне гражданской погиб, погорельцы. Пересельщики из Расен бедствовали первое время, пока на ноги не становились. Где теперь улица Молодежная они селились, на краю села. Землянушки нароют, прикроют чем попадя и зимуют. Ясно, что в Сибирь нищета подавалась, не от хорошей жизни. А из своих голодали кто работать не умел да не хотел, ну и рвань-пьянь подзаборная, такие и сейчас как попало живут. Это в Расее, на малоземелье, кучно было, там мироедов много было, а у нас...

Прервем рассказ Агафьи Ермолаевны архивными данными. Вот справка об общем благосостоянии села в 1920 году. Год, когда только кончилась гражданская война, а эп еще не развернулся: жителей — 4026 человек, лошадей до 3 лет — 1250 голов, старше 3 лет — 2083, коров дойных — 1585, яловых — 704, быков — 266, телок до 2 лет — 924, бычков до 2 лет — 913, овец до 6 месяцев — 3564, овец старше 6 месяцев — 5314, свиней до 6 месяцев — 1792, старше 6 месяцев — 905.

По степени достатка екатерининское население в то же время (1921 год) подразделялось так:

закиточных хозяйств (8 и более лошадей) — 13. Рабочих рук в них: мужчин 15, женщин 20. Засеяно 110 десятин; середняцких (4—7 лошадей) — 93. Рабочих рук: мужчины 110, женщин 107. Засеяно 1110 десятин; маломощных (1—3 лошади) — 150. Рабочих рук: мужчины 165, женщины 170. Засеяно 1000 десятин; семей красноармейцев — 7 хозяйств. Засеяно 12 десятин общественными силами; мобилизованных специалистов — 7 хозяйств. Засеяно 13 десятин общественными силами.

Простая арифметика показывает, что не так уж велика

была разница в обеспеченности основных групп — середняков и маломощных. На пороге нищеты стояли семьи красноармейцев и мобилизованных специалистов. Но вот выписка из протокола заседания волостного исполкома тех лет:

«Принимая во внимание, что в Екатерининской волости семей красноармейцев незначительное количество, а также пострадавших семей от контрреволюции, комиссия решила оказать помощь в первую очередь бедным солдаткам, мужья которых убиты или не возвратились из плена русско-германской войны и пропали без вести, и вообще беднейшему населению волости в следующем:

1. Произвести запашку и посеять хлеба по усмотрению хозяйств, сообразуясь с количеством засева прошлого года каждой семье. Семена для посева приобрести у более зажиточных граждан.

2. Оказать необходимую помощь тем семействам, у которых остался хлеб необмолочен.

3. Необходимо дать помощь солдаткам в исправлении сельскохозяйственных машин и орудий, вообще — домашнего инвентаря. Привлечь к этой цели всех имеющих кузнецов.

4. Необходимо оказать помощь солдаткам в починке обуви и исправлении предметов домашнего обихода. Привлечь к этой цели сапожников и плотников волости».

Агафья Ермолаевна: Я не говорю, что в коммуну «Новое время» одни беспортошные набились, были и добрые мужики, однако толку не вышло. Заправляли в ней не хозяева, а кто громче да складнее кричать на митингах умел. Общий скот держать нигде было, пораспихали по дворам богатых как попало, кормили абы как, на общественный покос половина не выходила: не свое оно и есть не свое. Начала животины падать, деваться некуда, распустили коммунию. ТОЗики, товарищества по совместной обработке земли, организовывали, только за них не надо агитировать, они сроду были, если к общей выгоде объединялись. У нас три лошади было, а у соседей, Раченковых, — две и падел поменьше. А пахать-то лучше всего пятеркой, у нас с ними ТОЗик и организовался полюбовный. А стали бы заставлять, то еще подумали: нам это выгодно или властям...

Года этак до двадцать восьмого Катериновка горя не знала с куплей-продажей: телеги, хомуты, лобогрейки, плуги, брички, мануфактура — что душе угодно можно было купить, кое-что просто обменивалось на хлеб, а то и про-

давалось в рассрочку. Из Семипалатного приезжают катерининские с базара, везут еду городскую: пряники, конфеты, баранки, одежду, самовары, посуду...

У нас в семье живые деньги почти не водились, а край как нужна была бричка, конская сбруя и плуг. Отец заключил договор с кооперативом, тогда их много всяких было. Подрядил двух мужиков, взял меня в помощь и погнали мы большую стаю гусей аж до Рубцовска. Октябрь, холодно, ночевали в копнах соломы; птица находила зерна в стерне и за двадцать дней, пока гнали, даже весу поднабрала, так что отец хорошо получил за работу. С помощниками рассчитался и еще хватило денег справить инвентарь.

А в двадцать девятом куда-то все подевалось — ни купить, ни продать, нэп прикрыли, объясняли, что это отрывка капитализма, а наш путь — в колхозы. Поначалу-то добровольно в колхоз агитировали вступать. Соберут собрание, уговаривают, уговаривают, начнут голосовать — мало, не хватает голосов. И так несколько раз. Потом «поддуть» начали, так у нас называлось. Налогом обложат, на другой раз, ежели ты против колхоза, добавят налог, и так до тех пор, пока либо по миру иди, либо вступай.

А как раскулачивали — до смерти помнить буду. Но вот чего я до сих пор понять не могу, хоть и комсомолкой была и газеты всю жизнь читаю. Ведь землю-то после революции строго по числу едоков, подушно, разделили, у богатеев поотбирали лишку. У нас старые люди и сейчас помнят самого богатого мужика Мартына Петровича Тенга...

Прервем еще раз Агафью Ермолаевну.

«Акт

24 апреля 1920 г.

Мы, нижеподписавшиеся, представители Екатеринбургского общества Алтайской губернии Змеиногорского уезда Лопатин Ф. П., Степанов К. М., в присутствии помощника предсельревкома Столкова В. Г. и инструктора районной молочной секции Яковлева К. И. произвели обследование частновладельческого завода Тенга М. П. При обследовании оказалось следующее:

1. Постройка саманная, крыта черепицей, пол цементный, потолок деревянный, 3 дверей деревянных наружных, 2 внутренних, 5 окон с двумя рамами, 1 окно без рамы. Размер завода: 1 комната 6 на 6 м, высота 3,5 м, 1 комна-

та 8 на 6 м, 1 комната ледник размером 7,5 на 6 м, пол деревянный. Яма ледника выложена камнем без пола.

2. Сепаратор «Альфа Ловель» 37 ведер с приемкой 2 шт. и без приемки 1 шт., сепаратор «Альфа Ловель» негодный 1 шт., сепаратор «Корона» 23 ведра годный 1 шт., маслообработывающий пресс 1 шт., молоковесы годные 1 шт., негодные 2 шт., ушатов цинковых годных 10 шт., негодных 2 шт.»

Далее перечисляются наименования емкостей. На момент описи у Тенга было обнаружено 8 пудов 33 фунта перетопленного коровьего масла (с тарой). Еще он держал прекрасную пасеку, лавку при заводе, где управлялись наемные люди. Никто из стариков не сочувствовал экспропрированному хозяину. Но и вспоминали Мартына Петровича не без грусти: «Молоко отнесешь, взамен бери хоть масло, хоть сметану, хоть творог. А не дойти корова — в долг бери. Сейчас молоко сдашь по тридцать копеек литр, а масло в магазине по восемь рублей, и то если завезли. Разучились хозяйствовать.

Агафья Ермолаевна: Так вот, до сих пор в толк не возьму, откуда в Катериновке столько кулаков народилось, что когда объявили великий перелом, стали кулачить, считай, полдеревни выслали. На семью полагалась подвода, что войдет, то можешь брать с собой. А у Дуни, сестры нашей, с Иваном Тарасовичем четверо ребятшек, старшей, Настеньке и сесте некуда было, с краюшку кое-как примостились, еле держится. А что делалось, вспомнить страшно. Кто ревет ревмя, воем воеет, кто без памяти по земле катается, кому милиция с району руки ломает, в подводу усаживает. Бежала я, бежала за обозом, за сестрой с племянниками, пока сил хватило, думала не увижу больше...

А к вечеру Настя пришла. Мамка, говорит, прогнала, велела к вам идти, все равно места нет на подводе. Тетки, мол, не дадут с голода помереть. Через сколько-то месяцев от Дуни письмо пришло. Адрес до сих пор помню: Нарымский край, Парабельская комендатура. Сестра писала, что везли их сколько-то недель в телячьих вагонах, потом посадили на пароход и вверх по реке везли, пока и деревень по берегам не стало видно. Ссадили посередине тайги, обжигайтесь! Помирало по дороге много, Дуня двоих похоронила. А Настенька хоть впроголодь, да жива осталась. И сейчас она нет-нет да напишет из Алма-Аты, все кланяется, что спасли.

Разорили деревню, самых ведь работающих, толковых

мужиков извели. Я думаю, это самое настоящее вредительство было. Мы друг дружке шепотом говорили: вот Сталин-то не знает...

Чингиз Айтматов в статье «Подрываются ли основы?» вспоминает, какой разговор получился у него однажды с земляками:

«...И тогда рассказал один из стариков интересную байку, явный анекдот дидактического характера. Якобы собрал Сталин своих близких соратников и говорит: «Вы, мол, все голову ломаете, как управлять народом, чтобы все люди, сколько их есть под солнцем, все, как один, в глаза мне глядели, моргну — все чтоб моргнули, открою очи — все бы открыли, и чтоб был я для них как живой бог, ибо давно сказано: царь не бог, но не меньше бога. Сейчас я научу вас, как следует обращаться с народом». И велел принести ему курицу. Ощипал он ту курицу живьем, у всех на виду, всю как есть, до последнего перышка, что называется, до красного мяса, остался только гребешок на голове бывшей хохлатки. «А теперь смотрите», — сказал и пустил голую курицу на волю. Ей бы кинуться прочь, куда глаза глядят, но она никуда не бежит — на солнце нестерпимо жарко, а в тени ей холодно. И жмется она, бедняжка, к голенищам сталинских сапог. И тогда бросил ей вождь щепотку зернышек — и она за ним, куда он, туда и она, а иначе, ясное дело, пропадет курка с голоду. «Вот как надо управлять народом», — только и сказал в назидание.

...Один из собеседников в том кругу, однако, обронил фразу, с чего и завязался дальше разговор, далеко не анекдотичный. «Все это верно, пусть и сказка, — промолвил он покачивая головой. — С того и начали раскулачивать нас, отцов наших, чтобы походили мы на ту курицу. А иначе зачем было нам крылья ломать? Сама же Советская власть землю дала, волю дала, но только оборонили, обласкали поля, только урожай пошли, только тяглом обзавелись, только скот оплодился, и на тебе наказание за труды, за пот с утра до ночи. Сами себе, выходит, врагами оказались — обобрали, разорили на корню, как чужое отродье посажали, по сибирям разогнали, а постреляли сколько? И в первую голову тех, кто был покрепче в хозяйстве. Любкой, кто на кого зуб тогда имел или позарился на чужое добро, тот и шептал. И вышла... шутка: вчера был человек хозяин, а в одночасье без коня, без шубы, без крыши, без земли, без воды нанольной остался. А уж дети подались кто куда лишь бы с глаз долой. Остальной люд в колхозы зачислили, работы там по горло, а когда по труднолю по-

лучать, уносили домой воду в решете. Прошло года два, те, кто нас кулаками называл, сами потом в тех же лагерях загинаялись вместе с кулаками. Так что, уважаемые, если глядеть в корень, не столько для народа старался он, сколько для того, чтобы всех разом за горло держать, сшибать одного с другим, пусть липли бы в страхе к голенищам его сапог да чтоб каждый другого отпихивал от хозяина...

Дмитрий Климович: Степановы жили тогда в Лопатинке и одними из первых вступили в образовавшийся здесь колхоз «Власть труда», им-то терять было нечего, хуже не будет — некуда, для них колхоз стал спасением от голодной смерти.

Митяка учился в «школе 1-й ступени», то есть в начальной. Понятия каникулы для школьников тогда не существовало. Начинался сев, пацаны становились «погонялами». В плуг впрягали обычно пять лошадей, за плугом шел пахарь-мужик, а на коренника взбирался парнишка и погонял. Норма — гектар в сутки, пахарю полтора трудодня, парнишке — третью часть. В сенокос ребята тоже были при лошадях — сгребали валки, помогали копнить, свозили сено. А когда колхоз начал сеять сахарную свеклу, работы детям стало совсем невпроворот. Окапывали свекловичные плантации траншейками глубиной в четверть метра, чтобы не мог проникнуть к посевам долгоносик. Рядами проходили и собирали зловредного жучка в бутылки. Трофен относили кладовщику и получали конфеты — в строгом соответствии с количеством уничтоженных насекомых. Ранними утрами намазывали патокой сшитые из марли полотнища и на манер бредня протаскивали по свекольной ботве — долгоносик оставался на материн.

Стали приходить в деревню первые отечественные тракторы, костлявые неуклюжие «натики», пятнадцатилетнего Дмитрия отправили учиться в Староалейское, в райцентр, на тракториста. Надо сказать, такой чести удостаивались наиболее старательные работники. Молодого механизатора определили работать в бригаду, где заправщиком и одновременно помощником бригадира был его брат Николай. Иван работал возчиком, и семья Степановых немного вздохнула, на подворье мычал телок, хрюкал подвешен. А к середине тридцатых колхоз малость окреп, на трудодень выходило по два-три килограмма хлеба, кое-что из овощей; деньги, правда, давали совсем пустячные, едва хватало на соль да на спички.

А в деревнях творилось что-то непонятное и страшное. Пошли вполнепота разговоры про врагов народа, стали забирать мужиков и увозить с концами. Счетовод Савелий Степанов, однофамилец, оказался враг народа и сосед Тарас Беляев — тоже враг. Тараса и Степана Андреева отпустили месяца через два, только они и вернулись из всех. Тарас рассказывал, что были шибко, велели подписать, что гумно поджег, не подписал, долго потом кровью отхаркивался. Боятся стали сосед соседа, избы врагов народа обходили стороной, с детьми арестованных не водились, большинство их, чуть повзрослев, навсегда уходили из деревни.

Агафья Ермолаевна: Тут Климыч путает чаленко. Косыками-то по линии НКВД стали в тридцать седьмом забирать. А когда он пацаном был, редко арестовывали по этой части. Самых первых забрали в Камышенке тронх в 33-м, потом долго не было арестов.

Так вот, выслали самых крепких мужиков в Нарым, пошел слух, что всех поголовно загонят в колхоз, в селе разброд начался. Скотину стали резать почем зря, пьянство началось сильное, никому ничего не жалко стало. Бабы все частушку орали, что от коммуны осталась:

Единоличник чистым полем,
Коммунарочка ложком,
Единоличник на телеге,
Коммунарочка пешком!

В начале тридцатого организовали в Катериновке два колхоза: имени Буденного и имени Чернова. А Чернов-то потом врагом народа оказался...

(Наркома земледелия Чернова репрессировали в 1938 году, реабилитирован в 1988. Любопытные кренделя невзначай выписывает история. Среди первых жителей Екатерининского было несколько бывших крепостных фабрикантов Гончаровых, предков жены А. С. Пушкина, колхоз же с 1938 года стал называться «Память Пушкина»).

Агафья Ермолаевна: Самые страшные до войны годы были 32-й и 33-й. Много померло от голода, вся Катериновка выморочной стала бы, коровушки спасли. Говорили, что из-за неурожая, засуха была. Так засухи раньше и страшнее случались, а такого не было, чтоб семьями вымирали. Нет, эта засуха подкралась аккуратно, когда крестьянину хребтину сломали, вот она и одолела...

Я тоже шибко распухала, и спать, спать все время хотелось. Раз просыпаюсь среди бела дня на берегу Алея. Хочу шевельнуться, а ни рукой, ни ногой двинуть не могу, совсем одрябла. А солнышко в реке играет, трава зеленая, пичужка в забое насвистывает. И так-то мне жить захотелось, аж заревела от жалости к себе. Да я ведь молоденькая совсем, да что это я! Доползла, добрела кое-как до дома, собрала в кучу мамки-покойницы платишки, обутки, еще шмотки какие-то и подалась аж в Зменногорск, за полсотни верст своим ходом. Иду и кричу сколько сил есть: «Да я ведь молоденькая, молоденькая!..» И ведь, подумать только, добрела, продала шмотки в городе, купила вот такусеньких калачиков, пошла назад, грызу хлебушко и плачу... Сама себя уговорила не помирять.

Года за два до войны мало-мало стали на ноги колхозы становиться. И хлеб давали на трудодни, и картошку, и овес, и даже сахар.

И вот она — война! Мы, бабы, хлеб пололи, парнишечка прибежал, издалека закричал, чтоб бегом всем на митинг. Бежим, спотыкаемся, орем благим матом...

Дмитрий Климович: 22 июня 41-го прискакал нарочный из Екатерининского. Слова не сказал, все поняли — война! Особо не удивлялись: ждали, чувствовали; разошлись молча. Многие ушли воевать в первые же дни, Дмитрий до осени работал в поле...

Извилистым оказался его путь на фронт. Из Рубцовки в теплушках довели аж до Тихого океана. В части неподалеку от Владивостока выучили на шофера, отправили в Советскую Гавань, переделали в матросский бушлат и определили мотористом в порт. После месяца три плавал на катере береговой охраны. И только весной сорок второго, переучив на механика-водителя танка, отправили на запад. По дороге, на Урале, получили новенькие Т-34 и отправились в самое пекло.

Весь 42-й год часть, куда понал Степанов, с боями металась в треугольнике Ворошиловград—Воронеж—Харьков. С первой боевой машиной Дмитрию пришлось расстаться в марте сорок третьего, когда немецкий снаряд угодила в бок танка. Экипаж остался жив, ночь мерзли в кабине: без приказа оставить машину значило попасть под трибунал. Хорошо, рация оказалась исправной, дали координаты. Утром подоспели свои, убедившись, что приказ не нарушен, помогли закоченевшим бойцам выбраться. На следующий день пересели в новые «тридцатьчетверки» и

рванули освобождать Харьков. Город взяли, но пехота задержалась, фашисты тем временем взяли город в плотное кольцо. Дважды переходил Харьков из рук в руки, пока окончательно не стал советским. В один из напряженных моментов, когда исход боя был неясен, получили приказ взорвать машины и поодиночке пробираться к своим. Экипажу снова повезло — выбрались из окружения без потерь личного состава.

После, на третьей уже машине, участвовал в стремительных бросках в составе 4-й танковой бригады по линии Орел—Курск—Белгород. Шла интенсивная передислокация многих танковых подразделений, назревало историческое сражение — Курская битва.

Она началась 7-го июля, а через день «тридцатьчетверка» лейтенанта Макаренко, выполняя приказание, мчалась в направлении Белгорода. Неожиданно машину резко тряхнуло, рвануло в сторону и закрутило на месте. Механик-водитель старшина Степанов вместе с радистом выбрались через лобовой люк, быстро устранили неисправность — заменили разорванный трак и поставили на место гусеницу. Когда через тот же люк влезали в кабину, осколок шальной мины рванул Степанова в правое предплечье и, оторвав плечо, влетел в щель люка, где угораздилось, на излете уже, раздробить кость ноги командиру танка. Теоретически такого быть не могло, а вот... «Прямо как нейтронная бомба сработал!» — улыбается Степанов сорок с лишним лет спустя. А тогда было не до смеха. Кое-как раненые вывалились на горячую пыльную землю, машина рванулась дальше — приказ надо выполнять, хотя боеспособным остался только стрелок-радист.

Степанов, приметив место, где оставляет неходячего командира, пополз в сторону предполагаемого нахождения наших частей. Ему здорово повезло — много ли он прополз бы, когда кровь шла сильной и ровной струей из раны? Но наткнулся Дмитрий не просто на своих, а на санитарную полуторку. Успел сказать, где лежит Макаренко, и стал терять сознание. Последнее, что запомнил, будучи в рассудке, было радостное. Немецкая «рама» — самолет-разведчик, вдруг вспыхнул и, оставляя грязно-дымный след, медленно и косо пошел к земле. Взорвался он метрах в трехстах от санитарной палатки, куда везли старшину.

Очнулся на третий день в эвакогоспитале от боли. Вместо правой руки торчала забинтованная культя выше локтя. Операционная рана не заживала, кость выпи-

рала, швы мокли, гноились. Перевезли в госпиталь на Южный Урал, сделали вторую операцию. От наркоза отходил долго, тяжело, мучался больше, чем от самой раны. Хирург на перевязках хмурился, недовольно разглядывал швы, наконец сказал: «Держись, танкист, еще раз укорачивать руку придется». Через два месяца сделали последнюю операцию — отпилили руку по самое плечо. От наркоза наотрез отказался: «Режьте, вытерпю!».

В январе 1944-го старшину Дмитрия Степанова списали «вчистую». В Рубцовке и завершился его боевой путь. Расписался он в бумаге сопровождавшей медсестры, что доставлен благополучно. Доехал до станции Третьяково, вскинул на левое плечо тощий вещмешок и направился своим ходом в Лопатинку строить мирную жизнь.

Агафья Ермолаевна: Вот когда узнали, что такое истинное горе, крайняя нужда! Первая похоронка в селе моя была. Потом, следом, получила письмо от врача из подмосковного госпиталя. Уважаемая, дескать, Агафья Ермолаевна, пишу по просьбе вашего мужа. Рядовой Раченков умер у меня на глазах от повреждения внутренних органов при ранении. Умирая, просил передать, что честно погиб за Советскую Родину.

А у меня трое маленьких на руках, хоть в петлю. Одного не сберегла. Наелся какой-то травы, помер, старухи отваживали — не помогло, а фельдшера не было...

Шибко голодно было. В колхозе работали за одну затируху. Это похлебка мучная, одобренная постным маслом либо забеленная молоком. Горсть пшеницы припрядешь, идешь затемно с работы домой ни жива ни мертва: а ну застукнут! Тюрьма, осиротишь детей. Домну Бондареву за карман пшеницы на три года засудили. А у нее аж пятеро по лавкам, так и разбрелся по белу свету, и сама Домна как сгинула, так и не вернулась в Катериновку.

Буряк с поля ребятишкам принести нельзя было. Авот зимой, когда он в кагатах замерзнет, пропадет, — тогда разрешали. С калиной его парнишь, парнишь, потом раскатаешь вроде теста, высушишь, нарежешь на полоски — вот вам, детки, конфетки. Горсточкой сахара разживешься, на стол три бугорка насыпешь — лижут ребятишки — стол мыть не надо.

Сосед мой, Фома Федорович Яковлев, с фронта жене своей послал письмо, наказал всем бабам советы передать. Спасибо ему, многим его советы выжить пособили. «Бабоньки, родименькие, — как сейчас то письмо помню, по

дворам оно ходило, — бабоньки, копайте огороды не жалея рук. Не надейтесь на колхоз. Не верьте газетам, что война скоро кончится, война шибко долгая будет! Сажайте сколько сил хватит фасоль, горох, кукурузу, картошку. Не то тем из нас, кто уцелеет на войне, возвращаться придется на голое место».

Послушались мы Фому Федоровича. И, не все, конечно, но большинство выдюжило. Еще и сиротам помогали, в Катериновке детдом стоял из Ленинграда, туда и местные детишки попадали осиротевшие, и немецкие были, с Поволжья, у каких мать-отец в дороге перемерли.

Соли, мыла, спичек не было. Стирались и в бане мылись золой-щелоком, как у нас называли... У меня вакунированные с Ленинграда стояли мать с дочкой, я их научила с золой в бане вымыться, они пришли помыться, не нахваляться. А у девушки кожа-то пузырями пошла на другой день — забыла, глупая, упредить, что щелоку совсем чуток в воду кидать надо...

А без соли не обойдешься. Вот встаешь затемно, два ведра молока на коромысло, творогу мешочек на спину и бегом на станцию. В Третьякове у железнодорожников обменяешь на соль да на спички и скорей домой, упаси бог на работу опоздать, а начинали работу как только чуть развиднеется. Если на заем заставляют подписываться — опять беги, денег не платили, а попробуй не подпишись... И откуда силушки брались, ведь впроголодь жили.

Но вот жили в войну так дружно, как никогда ни до того, ни после не жили. Раньше как пальцы на руке были, а тут в кулак сжались — и злость какая-то, н... Ну не знаю почто так, но жили дружно. Нас за речкой, за Таловкой, тринадцать дворов было. Картошку сажать — всем миром, по очереди. Глядим у кого огород подошел, подсох, ночью выходим как один, ребятишки, кто ходить умеет, помогают, навалились — глядишь, за ночь пару огородов готово. На другую ночь — к следующему. Так-то вот... Выжили.

Нам, вдовам, и после Победы нисколько не слаще жилось. Решила однажды праздник в доме устроить — помыться мылом настоящим и ребятишек помыть. Центнер картошки сдала, пошла в Староалейку в магазин, а мыло-то, пропади все пропадом — пять рублей брусочек стоит, а мне за картошку в заготконторе три рубля дали. Аж заплакала.

Ни во что крестьянская работа не оценивалась, значит, и нас за людей не считали. Цены в закупе толь при Хрущеве малость поднялись...

Дмитрий Климович: Мужское население в 44-м году в Лопатинке можно было пересчитать по пальцам: Тимофей Лопатин, Николай Раченков, Александр Шевляков — мужики в добрых работающих годах, вернулись с фронта по ранению. Кузнец Иван Никифорович Волженин, шорник Кузьма Амвросиевич Столков, плотник Макар Федорович Павлов — старики, не воевавшие по возрасту. Петька Данилов, Борька Волженин, Аркашка Шапорев — мелюзга, малолетки. Остальные — женщины.

В феврале Дмитрий Климович принял одну из двух бригад. Вся техника на колхоз — два стареньких, на ладан дышащих «колесника», ни одного автомобиля. Пахали на коровах, на быках, на лошадях. Приходилось иногда ставить в одну упряжь пару коров и пару лошадей. Боронили на коровах, сеяли вручную. Жили в поле, спали в дощатом бараке, в Лопатинку, домой, почти не ездили — некогда, да и незачем. Здесь хоть затируха была и пайка хлеба, а дома что? Старики, старухи немощные, бабы, походившие на старух, да дети голодные. Домой вырывались помочь посадить огород да убрать картошку.

Трудовые дни 46-го года были совсем пустые, вкалывали за похлебку и еще полагалось 800 граммов хлеба, если световой день проработал в поле или на стане. И все-таки жили, растили хлеб, выхаживали детей, ждали конца войны и верили в победу! И работали крепко; в 44-м, например, сумели взять по десять с лишним центнера с гектара. Рекорд в таких условиях.

В 45-м победном, радостном, но крайне неурожайном году, не выдержал, ушел из председателей Александр Михайлович Шевляков. Дела принял Степанов и пять тяжелейших лет возглавлял колхоз «Власть труда».

В 46-м разрешили пятнадцать процентов урожая оставлять на трудодни. О деньгах и разговора не могло быть. Да и откуда бы они взялись, если закупочная цена на пшеницу была 6 рублей центнер, на теперешние деньги (после двух реформ) — 6 (шесть!) копеек. А, для примера, такая необходимая в хозяйстве вещь, как хомут, стоила на сегодняшний день четыре рубля. Чтобы купить хомут, надо было сдать чуть не семьдесят центнеров хлеба!

...Многие сейчас, в том числе и герои очерка Агафья Ермолаевна и Дмитрий Климович, нет-нет да обмолвятся: «При Сталине порядка больше было. И цены каждый год весной снижали!» Да, это был гений по части обольщивания народа. Вот данные статистики. С 1928 года (год начала первой пятилетки и конца нэпа) по 1940 розничные

цены выросли в 6,2 раза. После реформы 1947 года цены на питание и потребительские товары выросли еще втрое! Зарплата рабочих и служащих (о колхозниках уж и речи нет) с 1933 по 1940 год выросла с 33 до 48 рублей (в современном исчислении). Килограмм пшеницы покупали у колхозов по 6 копеек, а продавали мукой по 31 копейке. Говядину закупали по 23 копейки килограмм, продавали в среднем по полтора рубля. Прибавьте сюда бесплатный каторжный труд миллионов заключенных, ежегодные принудительные многомиллиардные займы — вот и цена костей, которые бросали народу в виде ежегодного «сталинского снижения цен».

И все-таки вспоминает послевоенные годы Дмитрий Климович с болью не из-за великой нужды, точнее, не только из-за нее. Атмосфера слежки, подозрений, доносов вновь воцарилась в стране, начались аресты. В районе тогда было 54 хозяйств. Раз-другой в неделю руководителей хозяйств, специалистов, низовых партработников вызывали «на ковер» в райком партии. Местные власти работали тогда в том же режиме, что и «великий вожь всех народов» — поздними вечерами. Вызывали по очереди, остальные толпились в «предбаннике» — в приемной. Собирали чаще не по делу, а так — для профилактики: снять стружку, сделать накачку. Прощупать, удостовериться: за последнее время не стал ли кто оппортунистом, уклоняющимся от «линии партии». У выхода дежурила милиция. Случалось, что после таких производственных совещаний домой возвращались не все...

В 1950 году Степанова как способного руководителя отправили учиться в Барнаульские шестимесячные курсы председателей колхозов. Он уехал в мае, а через два месяца прошло первое укрупнение колхозов. Камышенские хозяйства — имени Сталина и имени Папанина — объединили с лопатинской «Властью труда» и назвали, разумеется, колхозом имени Сталина. Екатеринбургские колхозы им. Буденного и «Память Пушкина» слились в колхоз им. Буденного.

В октябре произошло еще одно укрупнение. Колхозы Екатеринбургского, Лопатинки и Камышенки объединились в колхоз имени Сталина («Сибирью» он стал именоваться только в 1958 году). Была ли необходимость в реорганизации? Кому она пошла на пользу? Колхозам? Ни в коем случае. Под демагогическими призывами к индустриализации сельского хозяйства по сути уничтожались лучшие колхозы, происходило дальнейшее «раскрестьянивание»

крестьянина. Подстриженными шеренгами проще управлять, командовать — вот главный смысл укрупнений. Они же стали началом трагедии многих тысяч «неперспективных» деревень. В двадцатых годах в Екатерининскую волость входило 15 деревень. Многие ли теперь помнят про крохотные живописные деревушки — Оторвановку, Кувыркаловку, Поручиково?..

По случаю реорганизаций Степанов остался без «своего» колхоза и поехал в село Плоское заместителем к Дмитрию Семеновичу Шапореvu, тоже екатерининскому, ставшему во главе укрупненного колхоза имени Молотова. Одновременно Дмитрий Климович возглавил парторганизацию хозяйства — тогда секретарь парткома был неосвобожденным. В следующем году Степанова переводят на ту же работу в родную Катериновку, а в 1954 году он становится председателем самого крупного в районе колхоза имени Сталина.

Время после смерти вождя было судьбоносным в жизни страны. Руководство Коммунистической партии во главе с Никитой Сергеевичем Хрущевым решилось на беспрецедентный по смелости шаг: низвергнуть культ личности Сталина, развеять самый кошмарный в истории государства миф о «гениальном и прозорливом». Всенародные слезы, скорбь, надрывающий душу вой гудков в день похорон, а через три года — жесточайшее протрезвление после разоблачительной речи Хрущева, трудное освобождение от шор слепого поклонения тирану, избавление от многолетнего, въевшегося в плоть и кровь раболепия.

Натерпевшаяся деревня убивалась по вождю меньше других. Вот как вспоминает похороны Сталина писатель Евгений Носов:

«...Старая деревенская женщина, по самые выцветшие глаза замотанная серым платком, взваливая на плечо мешок, набитый буханками, сказала о его смерти как бы самой себе: «А-а... Хужей не будет... Куда ж нишо...»

Сельское хозяйство страны было к этому времени самой отсталой отраслью народного хозяйства. Высокорентабельное производство немыслимо без материальной заинтересованности хозяйства и работника в результатах своего труда. Многолетнее игнорирование этого непреложного экономического закона, отсутствие нормальных отношений купли-продажи между колхозом и государством, когда стоимость сельхозпродукции не покрывала расходов по ее доставке к железной дороге, — все это нанесло серьезный ущерб экономике страны. По сравнению с довоен-

ными годами почти в полтора раза возросла энерговооруженность и основные фонды села, вдвое увеличились поставки удобрений, производство же продуктов не только не выросло, но даже уменьшилось.

Положение было критическим, и в сентябре 1953 года состоялся Пленум ЦК КПСС, исторический для сельского хозяйства. С колхозов были списаны многомиллиардные долги, повышена оплата труда, снижены налоги. И, главное, сразу в несколько раз повышены закупочные цены на основные продукты.

Экономические методы управления, к сожалению, не взяли тогда верх над привычными административными, однако в течение трех примерно лет (1954—1956) играли заметную роль в экономике сельского хозяйства. Старая крестьянская пословица «Как потопаешь, так и полопаешь» обрела плоть, и вот результат. Средний темп роста валовой продукции был в эти три года 9,2 процента, что составляло 4 копейки на рубль капиталовложений, вчетверо (!) больше, чем в 1951—1953 годах.

Это было прекрасное время перемен, ожиданий, надежд. Эшелоны молодежи следуют на восток, веселье, гомон, танцы на вокзалах, из всех репродукторов несутся слова только что появившейся и мгновенно подхваченной песенки:

Мы пришли чуть свет
Друг за другом вслед,
Нам вручил путевку
Комсомольский комитет.

Едем мы, друзья,
В дальние края,
Станем новоселами
И ты, и я!

То интересное, ни на какое другое непохожее, целинное время, с удовольствием могут вспомнить в Екатерининском диспетчер Семен Иванович Мартынов и пенсионер Михаил Игнатьевич Шишаев. Точнее, вспомнить-то могут многие, но эти — первоцелинники. Семен Иванович приехал в 1954 из Ленинграда, имея уже диплом техника-механика. Работал по специальности в Каменской МТС, секретарем парторганизации колхоза «Сибирь», инженером. Михаил Игнатьевич Шишаев — свой, если можно так выразиться, «доморощенный» целинник. Родом из Катериновки, в 1943-м ушел воевать, после демобилизации искал счастья

на стороне — вкалывал в шахте, работал в экспедициях. Когда началась целина, с радостью вернулся в родное село, где и проработал много лет.

В первый же год все пригодно-пахотные земли были распаханы и засеяны. Сейчас, оглядываясь на целинную эпопею, мы, конечно, видим все промахи и просчеты тех лет. В погоне за победными цифрами освоенных гектаров распахивали мало пригодные для посевов зерновых естественные пастбища, корчевали кустарники в водоохранных зонах рек. Жители постарше помнят, какими светлыми и рыбными были речки бассейна Алая, какими сочными, густыми травами покрывались весной окрестные горушки. Всей стране памятна трагедия нашей Кулунды, до сей поры не залитавшей целинные раны. Не защищенные лесополосами, тысячи гектаров, изборожденные глубокой вспашкой, подверглись сильнейшей ветровой эрозии. Миллионы тонн чернозема прахом развеялись по белу свету. А по свидетельству некоторых ученых кулундинские черноземы — богатейшие на планете. Несмотря на это освоение целинных и залежных земель останется подвигом в памяти народной. Пусть экстенсивным путем, с огромными потерями и издержками, но из тупика страна выбралась.

Как будто откликнувшись на всенародный взрыв энтузиазма, земля в первый целинный год оказалась удивительно щедрой. Впервые за много лет получили колхозники небывалое вознаграждение за свой самоотверженный труд: по три килограмма хлеба и семьдесят копеек (в нынешних деньгах) на трудодень. И работали люди в ту осень с такой яростью, с какой давно не работали. Комбайнер Гребенкин сцепом двух «Сталинцев-6» скосил и обмолотил тысячу сто гектаров пшеницы, чуть меньше было на счету механизатора Егорова.

К сожалению, стратегические просчеты руководителей центра обошлись очень дорого. Приходило в хозяйства много комбайнов, тракторов, ремонтных летучек, а вот автомашин поступало крайне мало. Намолотив полный бункер, комбайнер частенько был вынужден вываливать зерно на землю. Потом его постепенно свозили в глубинки, прикрывали наспех соломой и... И до января вывозили на элеваторы и склады. Многие тонны зерна за это время успевали прорасти, сгореть, сгнить.

И все-таки авторитет нового руководителя страны поднялся в эти годы на недостижимую высоту. С надеждой и радостью вглядывался народ в его простое крестьянское лицо, восхищался его простотой, демократизмом, удивлял-

ся его подвижностью, непрерывным поездкам по стране и за рубеж. Колхозники наконец-то получили паспорта, обретя свободу передвижения. В эти же годы — невиданное дело! — хлеб во всех столовых велено было выдавать бесплатно, а кое-где в бочках стояла нашинкованная капуста, за которую денег также не брали.

Но уже в 1957 году рост оплаты труда заморозили, и через год окупаемость капитальных вложений и темп роста валовой продукции упали вдвое и продолжали падать. Однако окрыленный первыми успехами новый лидер в какой-то момент закусил, что называется, удила. Вместо планомерного, продуманного внедрения экономических методов захотелось ему сотворить нечто такое, от чего бы мир ахнул. Вскружили голову и космические достижения. А раз мы сильнее их в технике, то уж по уровню жизни обогатить ведущую капиталистическую страну — США — сам бог велел. И от имени КПСС заперестрели везде огромные и поменьше лозунги: «Партия торжественно провозглашает: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!»

Конечно, трезвые головы и тогда скептически относились к этой шапкозакидательской идее, но немало, видимо, было в ближайшем окружении Н. С. Хрущева «соратников» из холуйского племени, готовых с дутыми, высосанными из пальца цифрами и мыслями убедить лидера в его правоте и величии.

Догнать США по уровню жизни — идея безусловно патристическая, достойная, но совершенно невыполнимая при существовавшем соотношении экономических потенциалов двух стран. Страшнее, однако, другое: само истолкование понятия «коммунизм», вульгаризация понятия до сытого желудка и обилия тряпок. А ведь это прежде всего торжество человеческого духа, создание высокоправственного сообщества людей.

О том, как мы «догоняли» Америку, помнят многие, не станем вспоминать этот скверный анекдот. Здесь и внедрение «царицы полей» от Москвы до самых до окраин. Силовым методом высаживали кукурузу сначала вместо традиционных, давно оправдавших себя культур, потом она потеснила зерновые, и наконец были распаханы луга и поймы рек.

Платные присяжные из ученых «доказали» несостоятельность травопольной системы. Ликвидировали чистые пары, выкинули травы из севооборота — освободили место для «царицы». Предварительно заклеив Вильямса лжеученым и снимав отовсюду его портреты...

А сытая и рациональная Америка все никак не догонялась. Следующим волюнтаристским, а по-русски говоря, самодурским, шагом было увеличение колхозного стада на несколько миллионов голов путем насильственной покупки этих голов у крестьян. Похожее творилось в коллективизацию, и теперь, правда, с «демократическим» уклоном — уплатой денег бывшим владельцам скота. Ни помещений, ни кормов как следует не было подготовлено, и в первую же зиму значительную часть поголовья пришлось пустить на мясо. И до сих пор во многих наших селах не вдруг купишь кринку молока.

А какие умники напентали крестьянскому сыну Никите Хрущеву, что лошадь давно не нужна в крестьянском хозяйстве? И если колхозы и совхозы сведут саврасок на живодерню, то разом высвободятся горы овса и сена, народ получит к столу деликатесную конину, а промышленность — сырье для кожизделий. Да и стыдно как-то нашей индустриальной державе работать на лошадях. И нередко до сей поры видишь, как везет трактор на ферму пару термосов с обедом для доярки или просторный автобус — двух ребятшек в интернат на центральную усадьбу. (В Америке, механизированной не в пример нам, сейчас на мелких работах занято около 10 миллионов лошадей!)

А чего стоила организационная перетасовка, создание территориальных совнархозов, разделение краевых и областных комитетов партии на промышленные и сельскохозяйственные, создание на манер потемкинских деревень показушных агрогигантов, куда силой стогнали из малых деревень на жительство в пятиэтажные «хрущобы» без удобств. Или урезание огородов по самое крыльцо — рецидив старой боязни, что крестьянин разбогатеет и перестанет кормить государство.

Постепенно исчезало с прилавков мясо, сокращался ассортимент молочных изделий, поднялось в цене масло, другие продукты. Вместо бесплатного хлеба в столовой появились стихотворные призывы вроде «Хлеб драгоценность, им не сори, хлеба к обеду в меру бери!» В некоторых регионах появились продуктовые карточки, забытые после 1947 года.

Чем хуже становилось с продовольствием в стране, тем сильнее усиливался диктат, давление сверху. Административно-бюрократическая система восторжествовала с новой силой: вот, убедились, дескать, что хитрый и жадный колхозник не станет работать, если не стоять над ним с кнутом в виде приказов, инструкций, директив!

...Об одном случае, характерном для этого периода, с улыбкой вспоминал Дмитрий Климович Степанов. Председатель колхоза (тогда он уже назывался «Сибирью»), Дмитрий Семенович Шапоров, посоветовавшись с замом, Дмитрием Климовичем, и агрономом Хлебниковым, решили рискнуть. И посеяли кукурузу не там, где было велено, а где, по их убеждению, она должна лучше уродиться. В райком партии кто-то немедленно «стукнул» и тут же последовали оргвыводы. Председатель и зам схлопотали по выговору с занесением в учетную карточку, агронома исключили из кандидатов в члены партии и выгнали с работы. «Царица полей» вымахала в тот год на редкость яркая, случайно набрели на нее киношники из Новосибирска и отсняли сюжет для киножурнала «Сибирь на экране». К счастью, лента дошла до района и выговоры по такому случаю сняли. Агроном, правда, работал далеко.

Итак, Дмитрий Климович возглавил колхоз в 1954-м, став на место уехавшего на три года учиться своего тезки Шапорева. За это время, совпавшее, как уже говорилось, с лучшими годами деятельности Н. С. Хрущева, колхоз крепко встал на ноги, и считался благополучным. Хозяйство представляло Алтай в числе других на ВСХВ. Как раз вернулся «законный» хозяин с учебы, и Большая золотая медаль выставки досталась (вместе с мотоциклом К-125) Шапореvu. Дмитрий Климович был награжден Малой золотой медалью и премирован радиопремииком. Многие колхозники были награждены медалями «За доблестный труд» и «За освоение целинных и залежных земель». Колхоз премировали грузовым автомобилем «ЗИС-5» и легковушкой «Москвич-408».

Через три примерно года у Шапорева обнаружилось серьезное заболевание, и он вынужден был уйти на более спокойную работу. Бразды правления вновь перешли к Степанову, и в течение семи лет он тянул самое крупное в районе хозяйство. Инвалид второй группы, без образования (шестимесячный «ликбез» в 1950 году — вот и все университет), в последние годы председательства он был единственным руководителем хозяйства без диплома. Когда на его должность заступил дипломированный агроном Иван Андреевич Логвиненко, Дмитрий Климович стал его заместителем. После ушел на должность председателя Екатеринбургского сельского Совета — тоже суетная работа, три села все-таки. Недолго побыв в замах у нового уже председателя А. Ф. Курьянова и последние четыре года работал начальником колхозного стройцеха.

Сейчас Степанов на пенсии. Пройтись с ним по селу непросто — это постоянное, на каждом углу «Здравствуй-те!», «Привет, Климыч!», «Здорово, жизнь-то как?». И так далее, в зависимости от возраста, степени знакомства и занятости делами в момент встречи. Уважение к человеку, почти вся жизнь которого прошла на виду у односельчан — самой чистой воды; вдвойне труднее завоевать его именно руководителю «из своих», находясь годами под рентгеном придирчивых глаз.

Людям сторонним, приезжавшим руководить сельским хозяйством из города и района «по зову партии», было, наверное, проще. Есть приказ, директива, указание сверху — выполняй. Дилетантское знание крестьянского труда не оставляло у них сомнения в том, что все беды — от неградивости и лености колхозников. Значит, надо силой «приводить в жизнь», «претворять», «реализовать». А каково исконому крестьянину-председателю получать неумные приказы и заставлять односельчан выполнять их? Они ведь прекрасно знают и тебя, и цену этим бумажкам. Почтительное отношение екатерининцев к Дмитрию Климовичу говорит о том, что не обижал он своих бывших подчиненных, умел находить компромиссы, быть буфером между начальством и рядовым колхозником. Но не в смысле, чтобы юлить, угодная «и нашим и вашим», а чтобы оградить «наших» ценой собственной шеи.

Многотрудная его жизнь скуповато отмечена двумя боевыми орденами (один юбилейный), двумя трудовыми и одиннадцатью медалями. Да разве в них дело? Главное — пятеро взрослых детей, восемь внуков и искреннее уважение односельчан.

Листая пожелтевшие амбарные книги с протоколами колхозных собраний и заседаний правления, можно отчасти представить, как жилось и работалось ветеранам «Сибиря». Вот несколько, почти наугад, выписок.

Из отчета за 1952 год. Дворов 375, населения всего 1248, мужчин трудоспособных (от 16 до 60) — 176, женщин трудоспособных (от 16 до 55) — 337, всего трудоспособных — 513, престарелых — 187, подростков (от 12 до 16) — 267, выработано трудодней за год — 244 555, в среднем выработано трудодней на одного колхозника — около 500, посеяно пшеницы яровой — 3292 гектара, плановая урожайность — 15,2 центнера с гектара, фактическая — 8,0 центнеров с гектара, оплата за трудодень — 2,3 килограмма зерна и 10 копеек (в современных деньгах).

В следующем году на трудодень пришлось по 1,2 кило-

грамма зерна и по 30 копеек. Урожай пшеницы — 4,6 центнера с гектара при плане 15 центнеров. Урожай кормовых трав составил 32 процента от запланированного, в том числе сочных и концентрированных кормов — 15 процентов. Удой на фуражную корову — 1063 килограмма, настриг шерсти — 2,1 килограмма с головы, на одну несушку получено 46 яиц.

Очень характерно решение собрания. Оно почти слово в слово переписано из предыдущего протокола и будет повторяться с небольшими изменениями в годы последующие:

1. Достичь высоких урожаев зерновых культур.
2. Усилить контроль за качеством работ.
3. Особое внимание обратить на развитие овоще-бахчевых культур.
4. Особое внимание обратить на создание прочной кормовой базы.
5. Усилить руководство и организацию на посевных работах.

И так далее, и так далее...

Год начала целины — 1954-й. На изрядно истощенных старопашотных землях взяли по 16,3 центнера с гектара, 534 целинных гектара уродили по 30 центнеров на круг! Трудодень подскочил до 64 копеек и 3,2 килограмма хлеба. Но уже в следующем году цифры стали соответственно 25 копеек и 0,5 килограмма. 656 колхозников не выработали минимум трудодней, 42 из них решением правления «обложены» дополнительным налогом.

Так, ни шатко ни валко, еле-еле сводя концы с концами жила «Сибирь» до середины 60-х годов. Листая протоколы заседаний правления, то и дело встречаешь такие записи:

На ферме № 3 пал бычок. Восстановить за счет М. В.

На ферме № 3 задавили крысы 2 куриц. Списать за счет колхоза.

На ферме № 2 упала в яму ителъ и погибла. Со сторожа А. взыскать 150 рублей (здесь и далее в нынешнем масштабе цен).

Заявление от Ч. Просит уволить с работы. Отказать.

Л. просит направить на курсы трактористов. Отказать.

Д. Просит списать 30 рублей, приписанные за кули. Отказать.

Б. просит добавить трудодней. Отказать.

П. просит отпуск 15 дней. Отказать.

М. просит списать спецодежду. Отказать.

Ж. просит сапоги или валенки. Оказать помощь из кассы взаимопомощи.

Птица находится в истощении, до 30% истощенных коров, запаса кормов не имеется ни на одной ферме.

В. просит отпустить из колхоза и дать справку. Отпустить.

Заявление от Екатериинской сельской библиотеки. Просим выделить из культфондов средств для покупки книг. Отказать.

Акт на списание 31 головы погибшего скота утвердить.

Заявление медпункта о выделении топлива. Отказать.

Заявление от Т. Просит установить пенсию. Отказать.

О проведении сенокоса. Поставить объездчиков на сено. Индивидуальное сено все обмерить и забирковать каждый стог на фамилию хозяина, дать сведения в контору. Привезенное с поля сено у каждого двора изъять.

Распорядок дня: с 7 часов утра до 10 часов вечера, обед с 13 до 14 часов.

Заявление от П. Просит денег на покупку коровы. Отказать.

Заявление от К. Просит дать кизяк. Решили: дать навоз.

Заявление от С. Просит дать денег на покупку дома. Отказать.

А. Л. и Н. Л. просят послать учиться на электромонтеров. Отказать.

В. просит восстановить трудовин за прошлый год. Отказать.

Ш. просит дать накошенное сено, которое увез колхоз. Решили: если увез колхоз, продать за деньги.

После праздников никто из строителей не приступал к работе. Запились пьянством.

Председатель делает замечание правлению (I): «Некоторые члены правления пришли в нетрезвом виде».

Трактористы занимаются пьянством.

Механизатора Д. за пьянство отдать под суд!

О посылке на курсы механизаторов.

Заявление Р. Не может ехать учиться на курсы механизаторов, так как у него двое детей, образование 2 класса. Теорией не сможет овладеть, а практику знает без курсов.

П. не может поехать, потому что должен достроить дом, семье негде жить.

РЕШИЛИ: Обоих исключить из колхоза. Просить оперуполномо-

ченного милиции, чтобы занялся расследованием саботажа против мероприятий партии и правительства.

Агафья Ермолаевна: Да что говорить, сроду сколько помню, колхозника за человека не считали. Командовали, как отарой. Из Москвы приказание выйдет, а тутощные начальники и рады стараться, лоб расшибут, перевыполнят указания, чтоб вперед всех доложиться. Хоть раз кто с крестьяннином посоветовался, как лучше? Это в последние годы вздохнули и на собраниях стали говорить, что думают и начальников не больно пугаются. Ну и жить стали — куда с добром. Давно ли я пенсию выработывала — лет пятнадцать назад. Мы втроем в родилке на ферме день и ночь навоз выгребали. Полвека проработала, стажа не хватило. Выработала пенсию — целых 18 рублей. Это недавно до полсотни добавили. А нынешний колхозник молодой три-четыре года поработал, глядишь, мотоцикл купил, а то и машину.

Курьянову до земли кланяться надо — при нем люди зажили. Он ведь почему колхоз вытянул? Да хитрый и упрямый потому что. Он начальников-то не шибко слушал, по-своему воротил. Хорошо, шею не сломал, мог и за решетку угодить. Сейчас ему легче, новая власть за таких Курьяновых стоит...

Дмитрий Климович: Меморнал у нас в центре села, памятник погибшим в Великую Отечественную войну. 315 человек ушли из трех сел, а 267 фамилий на плитах выбито. А если, как сейчас пишут, помянуть бы всех, кто в коллективизацию пропал да во враги народа угодил, надо раза в три наш меморнал расширять. Подумаешь только: до чего тяжкая судьба у русского человека!.. А ведь живем, не смотря ни на что — вон сколько понастроили, цветы кругом, зелень, ребятнишки на каждом шагу... Сейчас бы вот поработать-то, от души, а не из-под кнута... Завидую, конечно, тем, кто сейчас в работащем возрасте, в силе... Но в чем-то они беднее нас. В чем? Им сравнивать не с чем.

Мы сознательно не упоминаем о том, чем обернулись для страны и для сельского хозяйства годы застоя. У всех, даже у молодых, они в памяти, так или иначе преломились они в любой биографии. Кажется парадоксальным, но в истории колхоза «Сибирь» годы всеобщего застоя *окажутся* годами крутого и непрерывного роста. Об этом — в следующей очерке.

ПОЗДНЕЕ ПРИЗВАНИЕ

Счастливы навсегда человек, с молодых ногтей нашедший свое призвание, назначение на земле. Даже если по общепринятым меркам слышит неудачником: ни карьеры, ни большого материального достатка. Главное в жизни — любимая работа, ведь, по словам поэта

...И душу возвысит,
И тело спасет
Работа.
И только работа.

Горько, тяжело положить жизнь на дело, которое не любишь. Пусть оно, это дело, обеспечивает положение в обществе, и безбедное существование — человек обворован, внутренне опустошен. Таких много.

Подавляющее же большинство живет между этими полюсами. По такой, примерно, формуле: «Работа как работа — бывает и хуже. Деньги платят — и ладно». И в меру врожденной совестливости, воспитания исполняют ее как следует или не очень хорошо, но в тех пределах, чтобы не вызывать нареканий.

Коренной житель села Барановки, что под Змеиногорском, Толя Курьянов, получив аттестат зрелости, никаких особых влечений в себе не чувствовал. Руководил здешним колхозом «Россия» Илья Яковлевич Шумаков, не успевший еще привыкнуть к сиянию Золотой Звезды Героя Социалистического Труда. Он собрал вчерашних выпускников и рассказал, какие специалисты ему нужны сейчас, какие потребуются завтра. Толя без особой уверенности в голосе выразил желание учиться на агронома. На что Герой Труда, родной дядя Анатолия, без дипломатии сказал, что агрономов в «России» через пять лет будет как собак нерезаных, а самым важным и нужным делом станет зоотехния.

Курьянов пожал плечами, смутно понимая, что это такое, однако поступил в Алтайский сельскохозяйственный институт на зоотехнический факультет.

В студенчестве жилось трудно, со второго курса пришлось снимать угол с молодой женой Зоей, тоже барановской, — в одной школе учились, там и положили глаз друг на друга. Это в песне только «от сессии до сессии живут

студенты весело». Курьяновы жили от стипендии до стипендии, точнее, от двух стипендий — Зоя училась курсом старше на физмате Барнаульского пединститута. Обычно в такой ситуации студенты мечтают хоть как-то «доскребиться» до диплома. Курьянов не скребся, учился крепко и ровно, вникая в науки с исконно крестьянской дотошностью. Помните бородатую студенческую шутку: «диплом синий — лицо красное, диплом красный — лицо синее»?! У новопеченного зоотехника Анатолия Курьянова был красный диплом отличника и круглое румяное лицо. К тому же, в свои двадцать три года он был вполне зрелый, серьезный мужчина, отец семейства. Однако и сейчас, на пороге самостоятельной жизни, сознание отравлял вопрос: «А чем я буду заниматься? Что такое зоотехния?». Две студенческие практики ничего не дали ни уму, ни сердцу.

Кто знает, попали молодой специалист под начало руководителя, который стал бы тыкать носом, поучая и отчитывая за ошибки, может, и не возникла бы у Курьянова любовь к своей профессии. Шумаков же, сам не больно искушенный в науках, грамотных людей уважал и, приметив редкое трудолюбие племянника, стремление все сделать самому, особыми указаниями не допекал. В общем, это была хорошая школа в хорошем хозяйстве.

Длилась она без месяца год. В начале 63-го гремел по стране очередной почин: «Передовики — в отстающие коллективы». С газетных и журнальных страниц улыбалась симпатичная ткачиха Валентина Гаганова, которая перешла в отстающую бригаду и махом сделала ее передовой. Впрочем, это сейчас мы иронизируем, с высоты сегодняшних переломных дней. А тогда все было серьезно, очень даже серьезно. В райкомах и выше тщательно подбирали «добровольцев». Алексею Никитовичу Панкратову, заместителю председателя колхоза «Россия», предложили поднимать отстающий колхоз «40 лет Октября». Панкратов съездил в Шипунино, посмотрел и наотрез отказался. Мысленно, разумеется. В райкоме же поставил условие: поеду, если со мной главным зоотехником поедет Курьянов. Анатолий недавно стал кандидатом в члены КПСС, силен в 24-летнем зоотехнике было хоть отбавляй, и он согласился не раздумывая. Собрали Курьяновы все свое недвижимое имущество в старенький сундук — и прощай, Барановка.

В Шипунихе Курьяновым вырешили дощатый насыпной домик, жить в котором охотников не находилось (добавим — и после них там никто жить не захотел), и молодой отец семейства... пропал. Курьянов-младший, просыпаясь утром, батю уже не видел и засыпал вечером, когда тот еще не явился с работы.

Однажды семью племянника навесил сам Илья Яковлевич Шумаков. Угостившись все на том же сундучке, застланном газетами, поговорив о житье-бытье, напроорочил хозяйке: «Видно, век тебе солдаткой вековать, Зоя!». В том смысле, что мужика своего не увидишь рядом. А может, и хорошо это? За столько-то лет семейной жизни и сейчас, когда кабинеты бок о бок, лишние час-другой вместе побыть — в радость. Редко такое бывает...

В Шипунихе — сам, все сам: спрашивать, просить помощи не умел и не любил, это в натуре заложено, в генах — не переломнись. Но если делаю — не суйся, самолюбия не занимать. Тут у них с Панкратовым больно уж удачно сложилось. Алексей Никитович еще в Барановке понял, какой крепкий, надежный человек Курьянов, и на новом месте распределил роли так, что главный зоотехник стал как бы сопредседателем по животноводству, сам же в эти дела не лез, нужные бумаги подписывал, не читая.

Так плавать учили: кидали сосунка в воду, пусть барахтается: выплывет, если воля к жизни сильная.

А начиналось так. Принимать хозяйство поехал со своими «пестунами» и Шумаков. Заведовал овцефермой Павел Петрович Коробков, мужчина в годах, проведенных на разных колхозных должностях — от кладовщика до председателя и далее по нисходящей. Равнодушно глядел он на свое новое начальство и на прославленного председателя «России». «Это вам не Барановка, на которую полкрая работает», — хотелось сказать Коробкову.

Грязь, голодные животные, с трудом передвигающиеся на слабых ножках, жалкое блеяние.

— А чем же ты поишь скотину? — растерянно спросил Курьянов.

— А ничем. Снег едят.

— Да где он, снег-то? Один навоз!

— Весна ранняя, вот и нет снега. А они, овцы-то, копытцой, копытцой навоз бьют, в лунке и набирается...

Лицо Шумакова налилось кровью, он схватил Коробкова за грудки и захрипел:

— Гад! В тюрьме тебе место...

Наутро, на другой уже ферме овец выгоняли из стойла — весна. Животные теснились в дверях, ошарашенные ярким солнцем и свежим воздухом. Свальявшаяся шерсть покрывала только шею да хвост.

— Парад львов! — мрачно сострил кто-то.

Чабан пытался переносить животных на руках, брал овцу за загривок, но в кулаке оставался клочок шерсти, а животное барахталось на земле... Если бы кто-то сказал, что через несколько лет ферму аттестуют как племенную, и овец будут покупать для улучшения стада ближние и дальние хозяйства, такого оптимиста подняли бы на смех. Курьянов — первый, поскольку уже понимал, что такое зоотехния.

Когда бы только завфермой, изуверившись во всем, равнодушно глядел на колхозные дела — полбеда. Но и доярки, и скотники давно относились к работе как к запятию никчемному, не дающему проку ни людям, ни себе — заработки мизерные, работа тяжелая: держались за место потому лишь, что некуда податься. Ну и для дома, для семьи прихватить с фермы что-нибудь грехом не считалось. Не попался — молодец. На распоряжения зоотехника или другого начальства согласно кивали головой, не собираясь их выполнять. Окрики и разносы не могли подействовать — материально не накажешь, хуже фермы работы не предложишь. Приходилось буквально стоять над душой: неделями днество и ночевать на рабочих местах. И люди поняли: от нового зоотехника не отвертеться, пока не сделаешь что он велел.

Но этого мало, чтобы люди поверили в нужность и важность своего дела. Курьянов решил на первых же порах поднять заработок животноводов, поставить его в прямую зависимость от результатов труда. Член парткома и правления колхоза, он с согласия Панкратова убедил правление в необходимости такого шага. Рискованного, надо сказать. Районные власти не погладят по головке, узнав, что скачок заработков в хозяйстве не обеспечен пока ростом производительности труда. К концу первого года работы нового зоотехника доярки и скотники стали получать трудней в полтора, примерно, раза больше, чем прежде. И стала, наконец, просматриваться справедливость: лучшие порабатал — больше получил.

Но вот трудодни... В слабом хозяйстве, каким давно был колхоз «40 лет Октября», они частенько были пустые. В той же Барановке давно перешли на денежную оплату,

а тут гадай — будет, не будет что получать в конце года. Председатель и главный зоотехник были на окладе, и как-то, не выдержав, Курьянов один на один спросил председателя: «Тебе, Никитич, получка не жжет карман?». — «Еще как жжет, — спокойно ответил Панкратов, — давно думаю, чтобы все люди по-людски получали». И решили — максимум через год отказаться от трудодней. Снова риск: а ну как хозяйство по итогам года останется в прогаре, а твердых авансов уже розданы немалые тысячи?

Расчет оправдался: животноводы стали работать на совесть, показатели медленно, но неуклонно ползли вверх. С тех пор все вопросы оплаты и организации труда на фермах Курьянов решал единолично, ставя, конечно, в известность экономистов и правление. Тогда-то, наверно, и забрезжила в голове молодого специалиста смелая до начальства мысль: сделать овцеферму племенной! Это в Шинпунихе-то, где средний настриг шерсти с головы едва переваливал за один килограмм... Забегая вперед, скажем, что документы на аттестацию племенной фермы были оформлены в конце 1968 года, а в следующем, когда Курьянов работал уже в Екатерининском, утверждены. И орден Почета — свою первую награду — получил в 1966 году здесь, в Шинпунихе.

Цифры — скучная материя. Но вот среднегодовые показатели последних трех лет работы главного зоотехника в самом некогда отсталом хозяйстве. Удой на фуражную корову — 2500 килограммов (лучший в районе), настриг шерсти — 4,7 (лучший в районе). Получено телят на 100 маток — 95 (лучший показатель в районе), ягнят — 125 (на 33 головы больше, чем в среднем по району).

«Единица — ноль, единица — вздор...», — говорил поэт, славя коллективный труд. Но это — поэтическая вольность: один человек может много, очень много. Ушел Курьянов на повышение, и через два-три года удои, привесы и настриг шерсти стали постепенно уменьшаться. Цифры через десять лет стали соответственно: 2000; 3,5; 71; 85! И та ферма, детище Курьянова, давно не числится в племенных. «Увез Филиппич в Екатеринбург молоко, мясо, шерсть», — невесело шутили шинпунихинцы.

Как зоотехник Курьянов начал с того, что в первый же год сдал на мясо всех разномастных «львов», оставив несколько десятков ягнят покрепче. Вместо 2800 голов купил отару в 640 маток алтайской тонкорунной. И уже на следующий год настриг оказался больше, чем от прежнего поголовья. Подскочила рождаемость, и в дальнейшем ота-

ру ремонтировали и увеличивали за счет собственного материала. Настриг шерсти увеличился к 1969 году в пять раз!

Профессия животновода стала в селе почитаемой, люди даже завидовали, глядя, как дружно и ладно все у них решается. Не только производственные дела, но и те, что сейчас принято относить к «человеческому фактору», — помочь людям: уголь, дрова, огород вспахать, машину встретить гостей, — с десятками таких вот мелких дел шли к Курьянову доярки и скотники. Приходили и с вопросами, какие на миру не обсудить: нелады в семье, сын отбил от рук, муж шибко запивать стал... И потом еще года два в Екатерининском получал он письма от бывших подчиненных. Советовались, делились новостями, просили рассудить по совести какой-нибудь конфликт.

ЕКАТЕРИНИНСКОЕ

С 1965 по 1969 год колхозом «Сибирь» руководил Иван Андреевич Логвиненко — грамотный агроном, обходительный, доброжелательный человек, крестьяне относились к нему тепло. Началось при нем обновление колхоза: строили кирпичный завод, бригадное зернохранилище на 200 тонн, мехток производительностью 30 тонн в час. Имелась проектная документация на здание конторы, школы, детского сада и двух магазинов. Но был он человеком мягким, нерешительным, все делал с оглядкой на руководство и инструкции, боялся проявить инициативу, которая в те времена была подчас наказуема. Курьянов считает, что сейчас его предшественник был бы на своем месте, а тогда...

Экономика в колхозе к моменту прихода Курьянова напоминала кардиограмму больного человека: резкие взлеты и неожиданные падения показателей, аритмия во всех сферах производства. Планы по животноводству за три года восьмой пятилетки перевыполнялись, более-менее благополучно обстояли дела в растениеводстве (кроме картофеля и свеклы). Но это на бумаге. В абсолютных же цифрах, а не в процентах, дела обстояли из рук вон плохо. В чем секрет такой показухи? Во-первых, планы спускались «от достигнутого», а достигнуто в «Сибири» было не бог весть что. Поэтому объемы продукции сравнительно с объемами, например, передового хозяйства «Память Кирова» составляли не больше 70 процентов. И еще. Сельские руководители называли восьмую пятилетку пятилеткой «для лодырей».

вполголоса, разумеется. Новое тогда руководство во главе с Брежневым намеренно санкционировало заниженные объемы производства сельхозпродукции. Крупное «перевыполнение» пятилетнего плана позволило устроить пышный «гром победы» на весь мир, гарантируя верхнему эшелону власти политический капитал и популярность в массах.

Среднегодовые показатели по «Сибири» в восьмой пятилетке были следующие: урожайность зерна — 13,0 центнеров с гектара (из худших в районе), картофель — 20 центнеров с гектара (худший), сахарная свекла — 85 центнеров с гектара (в «Памяти Кирова» — 160), удой на фуражную корову 1700 килограммов (самый низкий в районе), получено телят от 100 маток — 89 (меньше всех), ягнят — 70 (худший в районе), шерсти — 3,4 килограмма (по району 3,6), кукурузы на силос — 127 центнеров с гектара, сена многолетних трав — 13,5 (корма — ниже средних).

Вот в такое хозяйство привезли «сватать» Курьянова районные руководители. Без энтузиазма встретили на собрании нового кандидата. Во-первых, повторяем, люди хорошо относились к Логвиненко, ну а колхозные дела тут много-много лет подвигались кое-как при всех председателях. Не здешние, видать, начальники виноваты, но, как говорится, до бога высоко... А этот, новый, больно молод — тридцати нету. Курьянов — румяный, круглолицый, курносый, выглядел моложе своих двадцати девяти, и колхозники не верили, что этот «парнишка» потянет колхоз. К тому же, злые языки пустили слухок, что его пристраивает знаменитый дядя — Шумаков, а врагов у того было хоть отбавляй.

Кто знает, выбрали бы сейчас Курьянова или нет, а тогда начальство поднажало, наобещало, и при 28 голосах против был избран новый руководитель. К слову сказать, те, кто голосовал против, стали потом его первыми помощниками.

С чего начинать? С животноводства — для Курьянова это было ясно. С того, что хорошо знаешь. Картина здесь была та же примерно, что и в Шипунике. Низкие заработки и тяжелые условия труда отпугивали людей. Чтобы был заработок, необходимо поднять продуктивность скота, а для этого нужны корма и кадры. Круг замкнулся. Курьянов начал с кормов и с коренного улучшения условий труда животноводов. Программа «минимум» — подняться по надою и настригу шерсти до уровня лучшего тогда колхоза «Память Кирова».

А пока, с первого же дня, поехал новый председатель по району христаранничать: на дворе еще только февраль, а кормов нет, вот-вот начнется массовый падеж скота. Выпросил созревших семян свеклы в совхозе «Зменногорский», подался в Барановку, к богатому дядюшке. Дядя отщедот своих «отвалил» позапрошлогдней соломь по рублю за центнер, хотя не стояла она и доброго слова. То ли хотел урок преподавать племяшу, чтоб впредь не попрошайничал, то ли власть свою продемонстрировал — хочу — дам, хочу — не дам. И то, и другое на него похоже, но скупым он не был...

Строить животноводческие помещения, механизировать фермы («Сибирь» — единственное хозяйство в районе, где доили вручную) и одновременно возводить жилье, объекты соцкультбыта, кирпичный завод, водопровод, плотину для меллиоративного пруда на речке Таловке, мост — такой неподъемный, казалось бы, фронт работ развернуло новое правление в первый же год.

А что, до Курьянова не знали руководители пути подъема хозяйства? Знали, конечно. И деньги давали в долг колхозам, особенно после решения мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС по сельскому хозяйству. Но построить что-либо значительное, не нарушая инструкций, приказов, установок, было совсем непросто. А ведь делали же большие, нужные дела для людей, для страны, и зарабатывали ордена и славу. Делали, однако за те же дела могли лишиться должности, партбилета, а иногда и свободы. Нужна была смелость, граничащая с риском, сильный характер, крепкая воля.

У Курьянова на недавние перемены в жизни страны собственный взгляд. «Сейчас прямо модой стало плакаться — вот нам в застойные времена не разрешали, не давали, зажимали... Да кто не давал? Если ты во главе колхоза и уверен, что надо строить это, организовать то, переделывать третье, иначе твой колхоз захиреет, — так делай! Ты хоз-я-ин! От тебя зависит, как и чем будут жить сотни твоих людей. Если поймешь до конца — на инструкции оглядываться не станешь. Боншься — уходи с должности!»

Курьянов не боялся. Однако рискованные дела начинал, тщательно все обдумав и взвесив. Есть в нем и крестьянская, до мелочей, расчетливость, и крепкая коммерческая жилка. Очень многое из того, что делалось при нем в «Сибири», могло обернуться крупными неприятностями, поскольку нарушались десятки всяких инструкций и распоряжений. И хотя в итоге было благо колхозу, а значит, и госу-

дарству, но у других руководителей за то же самое копились выговоры, шаталось кресло, отбирались партбилеты... Курьянову все сходило с рук. «Везучий!» — не без зависти говорили коллеги. Иногда его зовут «хитрованом», и не без оснований. Обойти соседа, «вставить фитиль» не только по производственным показателям, но и в умении добыть изпод земли дефицитное оборудование, стройматериалы или чего-нибудь помудрее, вроде антенны для приема телевизионных сигналов из космоса, — тут председателя «Сибири» хлебом не корми. Знай наших!

Или взять звероферму — история ее возникновения заставила бы почесать затылки фининспекторов, а может, и работников ОБХСС. Однажды специалисты «Сибири» поехали в Свердловский район к известному председателю Шнайдеру за опытом. Тамошняя звероферма особенно понравилась гостям, и на обратном пути кто-то неуверенно высказал то, что у всех было на уме: «Нам бы такую!». Но ведь это хлопот не оберешься: заказывать за хорошие деньги проект, делать большой холодильник для зверного корма, выбивать фонды на мясо, учить людей непростой профессии зверовода...

А Курьянов уже прокручивал в голове «конструктивную часть». Старое овощехранилище, давно бесхозное, можно приспособить под холодильник, только надо глянуть на проект у соседей — в откормсовхозе «Третьяковский». Кадры... Станислав Бедарев, новый ветеринарный врач, раньше работал в зверсовхозе, лучше не придумаешь. А у Юры Сергиенко — пушной техникум, знает, как выращивать животных и как шкурки выделывать. Жены их тоже, наверное, раньше на фермах работали, надо узнать у начальников отдела кадров...

Самое хлопотное оказалось — корма. Поехал в Семипалатинск к знакомому замдиректору мясокомбината — знал, что субпродукты, сбой когда-то шли на корм зверям. «Когда-то шли, — подтвердил знакомый, — а теперь все на прилавки отпускаем, положение с мясом — сам знаешь какое. Сумеешь выбить фонды — ради бога». Курьянов знал, что это нереально, как знал и то, что забудет он для зверей хоть одну из своих 12 тысяч овец, не сносить ему головы. Не посмотрят, что депутат краевого Совета депутатов трудящихся, бессменный член бюро райкома партии, что в орденах щеголяет по праздникам. Но ведь надеж, хоть ты как следи за отарами, неизбежен при такой уйме скота. Не допустить гибель: безнадежную животину резать — и зверям. Договорился с хозяйствами в своем райо-

не и в соседних — Локтевском, Змеиногорском, чтобы вынужденный забой везли в «Сибирь», платил им копеек по 30 за килограмм...

В общем, закупил в Казахстане песка, порку, хоря, и появилась в «Сибири» подпольная звероферма. Не все ладилось, это рассказывать сейчас просто, а пушной зверь требует подхода тонкого и внимания. Попробуй, не докорми два-три дня — сами себя сожрут. Перекармливать будешь — мех никудышный получишь. Хорошо, как чувствовали, холодильник сделали с запасом, с учетом роста поголовья — на 60 тонн.

Сейчас звероферма дает около 100 тысяч годового дохода — куда с добром! «Мало, — говорит Курьянов, — вот если бы не шкурками торговать, а шапками да воротничками!»

И Курьянов привычным движением подвигает к себе счеты — единственный архаичный предмет в своем стандартно-модерновом кабинете. Микрокалькулятор не заводит — косточки надежнее... Можно быть уверенным — скорняжный цех в колхозе будет — Курьянов «загорелся». А недавно звонили из крайагропрома: какая-то посредническая фирма в Москве интересуется алтайской пушной на предмет торговли за границей. За валюту, разумеется. Тут бы председатель развернулся: давно мечтает обзавестись импортной сельскохозяйственной техникой. Да и коров-овец редкостных продуктивных пород прикупить, попробовать в своих условиях. В молочном животноводстве предел наступает: больше симменталки молока вряд ли прибавят, так, по мелочам разве. И придется либо топтаться, либо улучшать породу.

А не осядет валюта на агропромовских эстаках? Курьянов вздыхает: отношения с ведомственными властями портят ему кровь. Игра в одни ворота идет: на содержание аппарата колхоз отчисляет немалые деньги, а толку от него — на копейку. Председатель убежден, что такому крепкому колхозу, как «Сибирь», это громоздкое новообразование не нужно. Как хозяйствовать, когда сеять и чем убирать знаем без руководящих бумажек. Вот на большую науку бы иметь прямой выход, а не по ступенькам власти — другое дело. Мы бы и платили как следует — был бы толк. «Нет, без агропрома, наверное, не обойтись, особенно слабосильным колхозам, а нам он ни к чему», — считает Курьянов.

К слову, разговор этот был до реорганизации агропрома, но и сейчас Курьянов против: суть осталась прежней.

Но валюта пока вилами на воде, а вот что доярки да учительницы трех колхозных сел — Екатерининского, Новокамышенки и Лопатинки шеголяют в песках да норках на зависть окрестным модницам — это факт. Знали наши!

И так почти любое дело при Курьянове делалось... нет, все по закону, но без оглядки на правила и инструкции. Злоупотреблял ли Курьянов депутатским мандатом, вообще заслугами? Или тем, что дядя — известный в стране человек? Было, конечно, если для хозяйства решался жизненно важный вопрос. До 69-го года в Екатерининском было на всю деревню четыре колодца — водоносные пласты здесь очень глубокие, и жители пользовались грязноватой водой из речушки Таловки. При прочих благоприятных условиях село без воды замерло бы в своем развитии. В первый же год пробурили скважины (проект остался от Логзиненко), поставили колонки. Не было труб, во все времена трубы пребывают в великом дефиците. На каком-то совещании встретился Курьянов с Шумаковым и пожаловался — не могу сделать водопровод. «Не с того начинаешь, — пробурчал Илья Яковлевич, — надо производство поднимать в первую голову». Однако повел племянника к руководителю тогдашнего крайсельхозуправления и в пять минут вопрос решился. Но ведь все давно было сверстано, значит, кто-то не получил долгожданный дефицит? И не однажды так было — отказать депутату краевого Совета куда трудней, чем рядовому просителю.

А мог ли не озлиться коллега, не сумевший вовремя вывести удобрения со станции, когда узнавал, что они уже лежат у Курьянова в складе? Или не затаить обиды на него, получив отказ в Госбанке на получение ссуды, если только что перед ним «Сибири» отвалили требуемую сумму? Это вовсе не значит, что Курьянов шагал по головам, отрывая себе лучшие куски, снимая пенки. Но можно подумать и так.

До сих пор понятия «преуспевающий» и «делец» стоят рядом.

Не слишком ли долго проводили мы ханжескую границу между деловыми отношениями и человеческими? Ведь объективно они связаны органически, они в природе людей. Взять, к примеру, управляющего Госбанком. Перед ним дилемма: дать или не дать кредит двум председателям колхоза. Согласно параграфу такому-то он может отказать обоим и будет прав. Но он знает, что Курьянов вовремя погасит долг с теми процентами, «навар» от которых идет и Госбанку. Во втором председателе он сомневается — бы-

ли прецеденты. И если управляющий не махровый чиновник, он даст денег Курьянову, даже нарушив какое-то предписание, и вполне законно откажет другому.

На этом, кстати, строятся отношения у бизнесменов Америки. А уж деньги-то капиталисты умеют считать. Без всякой бумажной волокиты решаются там вопросы — достаточно иметь имя и авторитет. Иногда даже и непокрепленные банковским счетом. Хватает уверенности, что человек не подведет.

Так же прошел Курьянову номер и с известными всему району машинно-тракторными мастерскими. Начав строить строго по проекту, колхозные руководители единодушно решились, что через пару лет МТМ станут малы быстрорастущему колхозу. Председатель принимает решение: строить мастерские в два (!) раза больше проектных. Правление, конечно, поддерживает, хотя все молчаливо признают: случись что, рухну перекрытие, упади опора — отвечать, может и перед судом, придется Курьянову. Знали о грубейшем самовольстве и в Госсельтехнадзоре, райкоме партии, в райисполкоме. Знали и... смотрели сквозь пальцы — у Курьянова беды случиться не может. Надежный человек.

Доходило до анекдота, когда вынужден был для пользы дела обходить вокруг пальца инстанции. Пришло время благоустраивать село Екатерининское. Прикинули, во что обойдется проект, и заскучали: больно уж дорого. Тогда Курьянов заказывает проект на благоустройство центра села, площадью всего 800 квадратных метров. И пользуясь им для отчетов, полностью благоустраивает Екатерининское за несколько лет. К слову, сейчас это самое, пожалуй, зеленое, чистое и нарядное в районе село. В любую погоду весной и осенью здесь можно прохаживаться по асфальту в нарядной обуви, в теплые месяцы палисадники полыхают цветами, их в селе множество. Зеленеют перед окнами яблони, черемуха, облепиха. 20 лет назад здесь росли редкие клены, а в сотне метров от конторы от морозов до морозов стояла огромная, покрытая зеленой ряской лужа, форсировать которую не решались и могучие МАЗы. Сейчас здесь асфальт: проложен он стараниями колхоза и до трассы Третьяково—Зменногорск. Причем председатель и здесь выгадал: вернул потраченные деньги с дорожных строителей, а те включили готовый участок в свои отчеты.

Предпринимчивость — раньше это движительное свойство человека и коллектива стояло в одном ряду с понятием «делачество». Стоило предприимчивому руководителю вырваться вперед, как слышалось: «А где взял? А как до-

стал? А может, незаконно все это?». Законно, все законно, если служит улучшению жизни людей и общества, а не собственному обогащению.

Да, Курьянов везучий человек. Все, что он задумывал сделать, — исполнилось. С самого начала работы в «Сибири» у него нашлись единомышленники среди колхозников — это многоопытные животноводы, болеющие за колхоз, доярки Анна Ермолаевна Лопаткина, Мария Сергеевна Шишаева, бригадир Виктор Антонович Ливенцев. Недавно вернулись с учебы первые колхозные стипендиаты — главный агроном Леонид Иванович Шишаев, главный инженер Анатолий Иванович Лопатин, позже вернулся из института и стал главным зоотехником Николай Андреевич Волженин. Эта крепкая «квадрига» одного, примерно, возраста единомышленников многое могла сделать, многое и сделала.

Своеобразным пиком, рубежом стал для «Сибири» год 1987-й. Урожай пшеницы перевалил за 27 центнеров с гектара, чистая прибыль составила 3650 тысяч рублей, в лучших хозрасчетных звеньях на круг получили около 700 рублей среднемесячного заработка. И редчайший случай — сразу трое из одного колхоза награждены орденами. Механизатор Анатолий Васильевич Раченков получил орден «Знак Почета», механизатор Девятяров и председатель колхоза Курьянов стали кавалерами высшего ордена страны — ордена Ленина. Знай наших!

Трудная жизнь миллионера

Людмила Федоровна Романова, главный экономист, вернулась из райцентра в скверном настроении:

— Хоть не заходи в РАПО. Представляете, сидит полусонный и нехотя так заявляет: «А я у вас сегодня принимать не буду. Езжайте, доделывайте». — «Да я, — говорю, — все уже сделала, осталось переписать, вы проверьте — вдруг где ошибка, чтоб второй раз не переписывать». А он: «Я же вам сказал, что у вас сегодня смотреть не буду». Честное слово, зла не хватает. А уж чтобы кто в колхоз приехал, помог, подсказал — такого на моей памяти не было. Их, оказывается, там уже четверо сидит, экономистов, в плановом отделе. Главный экономист, экономист по труду, еще какая-то, не знаю, чем она там занимается. И еще один, расскажешь — не поверите. Заходишь — сидит

так: от стола к стене стул унес и сидит, радио слушает. Мы стали по работе разговаривать, а он палец поднял: «Тихо-тихо-тихо!» Дескать, не мешайте слушать. Кто его первый раз увидит, спрашивает: «А этот работает здесь, что ли?» Удивляются, что он даже не раздевается, садится, журнал у него художественный обычно на столе раскрытый. Может, он какие-то бумажки заполняет там иногда, чем-то и занимается, но сколько раз заходила — за работой его не видела. Правда, иногда появившись, встанет и уйдет. Стыдно при посторонних, наверное, к своим-то привык.

Я про все РАПО не могу так сказать, может, в других кабинетах дело делают. Ну, не в пустое же место мы только в этом году перевели 160 тысяч рублей? Я про свой отдел говорю, плановый. Последнее время мы туда появляемся только, если без подписи какая-то бумага недействительна.

— Это к вам, к миллионерам, такое отношение, к самым-то передовым?

— Ко всем. Как получилось, что с ног на голову все поставлено, ума не приложу. Ведь мы их содержим, кормим, грубо говоря, значит, мы должны заказывать музыку. Так нет, мало того, что они нами командуют бестолково, еще и глядят свысока.

И вообще, если хотите знать, богатому, работающему хозяйству жить куда труднее, чем отстающему. Дипломы, знамена, награды, премии — все это приятно, конечно; нет такого человека или коллектива, который не хотел бы, чтобы его старания не заметили. Но давайте глянем глубже. Получили мы в прошлом году чуть не четыре миллиона чистой прибыли. Антонина Григорьевна Раченкова, главбух наш, за неделю перечислила их почти все. Ну, часть долгов старых погасили — это уже никуда не денешься. А остальные?

— Людмила Федоровна, давайте 1988 распишем. Два с половиной миллиона рублей в такой непогодный год — это очень много. Куда вы их денете?

— Да они уже на корню расписаны у нас. Считайте: 800 тысяч только за амортизацию отдадим. Отчисления в соцобеспечение — еще 600 тысяч. Да плюс содержание РАПО, да плюс.., плюс — и поехали! Система-то какая: чем больше процент рентабельности, тем выше оброк, извините — отчисления в бюджет.

— Ну уж, по-вашему, значит, чем хуже работаешь, тем лучше живешь?

— А что? Вот мы прикидывали как-то. Наши доярки вышли на 3000 литров в год от коровы. А есть у нас хозяйство в районе, где до 2000 еле дотянули. Узнали, сколько у них доярки получают и ахнули — почти столько же, на десятку там поменьше. Ведь это получается, что мы и за них работали, чтобы всем сестрам по серьгам. Ну не обидно нашим женщинам, как вы думаете?

Но и это не главное. В конце концов не ленивые же они там все, что молока взять не могут — не все от них зависит. Хуже всего, что планы верстают, исходя из достигнутого. Вот предыдущую пятилетку нас животноводство в передовики вытягивало, потому что уровень был раньше низкий. А сейчас надои высокие, скакать нам некуда, резервы почти исчерпаны: или с 3 тысяч до 4 поднять, или с 2 до 3 — есть разница? В эту пятилетку растениеводство хорошо идет. Не потому, что раньше агрономы безголовые были, а люди ленились работать. Нет, пошла интенсивная технология, удобрений стало поступать намного больше. Ну, правда, главный агроном, Николай Семенович Ямщиков, четвертый год, как пришел — тут нам повезло — на редкость толковый мужик. К слову сказать, пришел из председателей, вроде как на понижение, а вышло наоборот, крылья выросли у человека. Но это кстати. Так вот, к концу нынешней пятилетки у нас обе отрасли подойдут к потолку. И, не дай бог, если система планирования останется прежней, мы с таким свистом сядем в калошу! Резервов-то кот наплакал. А кто прохлаждался эти годы, станет передовиком, хотя в абсолютном выражении будет давать продукции куда меньше нашего. Вот вам и миллионеры! Чем лучше, тем хуже. Эти годы еще погода такая, что каждый раз за 20 центнеров зерна с гектара берем. Чтобы потом нам дополнительно какие-то деньги получить, надо брать уже больше двадцати центнеров, а погоду нам госплан спланирует, да? К тому же дважды повышали закупочные цены за ценные и твердые сорта пшеницы, но ведь не вечно их будут повышать?

Только не верю я, что такое планирование и дальше будет. Ведь оно вразрез со всеми идеями перестройки.

— А сейчас на год верстают планы так же жестко — ни шага, ни гектара в сторону?

— Да как сказать... Ямщиков нынче со структурой площадей на 89-й год ездил в район. Поставил он 2 гектара овощей всего. А ему: давай десять! «Да мы, — Николай Семенович убеждает, — с 2 гектаров можем продать столько, сколько вы нам запланировали с десяти! Ну какой

смысл сеять десять? Лучше мы займем остальные восемь чем-то другим: картошкой, пшеницей». Нет, продолжают давить: сей, сколько положено. Все-таки не сдался Ямщиков, на своем настоял. Уже победа, пусть крохотная. А раньше так: 1 гектар не в ту строчку поставишь, все — мы план у тебя не примем! Главное — гектар. Вот и говорим сейчас в открытую, в газетах, где угодно, а эта дурость как была, так и есть. Ну, выпорили мы эти восемь гектаров, чтобы для дела лучше, но ведь контрольные-то цифры на пятилетку как записаны, так и останутся...

— Но если говорить о резервах, Людмила Федоровна...

— Знаю-знаю, что об аренде разговор начнете. О самом больном сейчас у нас... — она пододвигает мне книжку Ивана Васильева «С думой о будущем». Чтобы «раскрутить» разговор, я попросил ее прочесть отрывок из очерка этого большого знатока современной русской деревни. Вот он:

«...Первым шагом... стала сдельщина при денежной оплате, не связанной с конечным результатом. Оплачиваться стало количество работы или время, проведенное на работе, а не количество наработанного. Очень скоро было замечено охлаждение человека к земле, самовысвобождение из-под ее власти, сопровождавшееся ослаблением нравственных основ. Совесть земледельца помаленьку начала мириться с обманом: землю можно обмануть, и она не накажет. Такой земледелец без возражений согласился уступить свое право распоряжаться землей. Его уже не спрашивали ни о чем, когда задумывали обширную программу специализации, просто «растаскили» хозяйство по ведомствам, организовав массу «промов», каждый из которых занялся только свиньями, только курами, только картошкой, только льном... Разрушался извечный принцип крестьянствования — безотходность производства...»

Далее — агросервис. И тут не потребовалось спрашивать земледельца, согласен ли он на условия обслуживания, просто продиктовали условия и цены — ему было все равно. И, наконец, естественным процессом перековки крестьянина в наемного рабочего явилось создание корпуса особых управляющих.

Так что же мы получили в результате всех этих мер? Какую деревню и какого крестьянина? «Цивилизованного кооператора» или наемного рабочего?»

Людмила Федоровна закрывает книжку и с горечью говорит:

— Очень точно. Вот если бы нам на первом курсе пе-

ред первой лекцией это прочли и велели повторить несколько раз... Я ведь институт в 79-м году кончала, в эпоху «развитого социализма». Потом услышала от одного остряка, что это была эпоха «сплошной электрификации».

— Потому что всем все было «до лампочки». Я вот деревенская, здешняя, а меня с первого класса до последнего курса учили, что село идет вперед гигантскими шагами, вот-вот покажутся сияющие вершины, что, конечно, имеются некоторые упущения, но это потому, что мы первопроходцы на путях мирового прогресса. Только года через два работы в «Сибири», когда повеетрилась из головы пионерская зорька, стала задумываться: а ведь что-то не то делается, не так должно быть, не хозяин мужик, а поденщик. Урвать, получить, а что вырастет на поле, которое он засеял, — ему «до лампочки».

И когда в 83-м начали внедрять хозрасчет, какое настроение было! Не у меня только, у многих. Ездили перенимать опыт, шумели, хлопотали, радовались. И рядовые работники подъем какой-то почувствовали, особенно механизаторы помоложе. Совесть-то не совсем заглохла у людей. Мы как рассчитывали: создадим эти звенья — оплата тут пойдет от конечного результата, крестьянин будет привязан к земле, станет хозяином. Звену теперь не все равно, сколько и как он вспахал — себестоимость мы определяли заранее, значит, должен он думать и о глубине вспашки, о технологии, об агрономии. И все равно не получилось у нас того, на что рассчитывали. К затратной-то части себестоимости мы привязать не в состоянии по этой модели хозрасчета. Мало вырастить хороший урожай, надо чтобы он подешевле был. Хотя в договорах мы пишем, что если перерасход — 40 процентов высчитываем, экономия — 40 процентов доплачиваем. Но вот в прошлом году в растениеводстве мы ни с кого не высчитали, хотя перерасход был изрядный. До апреля митинговали, спорили, высчитывать или нет. Решили не высчитывать — далеко не все от механизатора зависит.

— А как вообще можно рассчитать себестоимость зерна будущего года? Ведь от погоды, от состояния почвы зависит и норма высева, и расход горючего, и состояние техники. Может, это просто кабинетная выдумка?

— Да, уж как только мы не пробовали считать... А разве виноват механизатор или животновод, что у нас ума на это не хватает? А над ним-то, над рядовым колхозником, два этажа нашей конторы, а над нами...

— Значит, вернулись к ежемесячной оплате с «колеса»?

«Это все мы сами вырастили, на школьном огороде», — говорит Оксана Степанова, председатель учебно-производственной бригады.

У молодой доярки Тамары Гордиенко работа идет... Впрочем, разве по ее настроению не видно?

Сварщик Юрий Алексеевич Куприянов и шофер ремонтной «летучки» Александр Витальевич Флошков в страду заняты не меньше комбайнеров — там сломалось, тут полетело. Песадить бы тех, кто делает «Ниву», на их «скорую помощь», пусть бы помотались с недельку...

Диаметр втулки, только что выточенной, вымеряет молодой токарь Борис Кудрявцев, а рядом его учитель Иван Кириянович Возженин.

Анатолий Филиппович Курьянов.

Главный инженер колхоза Анатолий Иванович Лопатин еще не знает, что через несколько недель ему присвоят звание «Заслуженный инженер РСФСР».

Местным модницам нет нужды ездить далеко, чтобы справиться обновку. «Нам бы помещение попросторней!» — говорит бригадир швейного звена комплексного приемного пункта Людмила Троицкова.

Виктор Давыдович Гартман (слева) и Сергей Дмитриевич Грицай — бригадиры. Дружат домами, а на работе — соперники по соревнованию.

Светлана Шишаева еще в школе побеждала на конкурсах пахарей, сейчас она студентка Алтайского сельхозинститута.

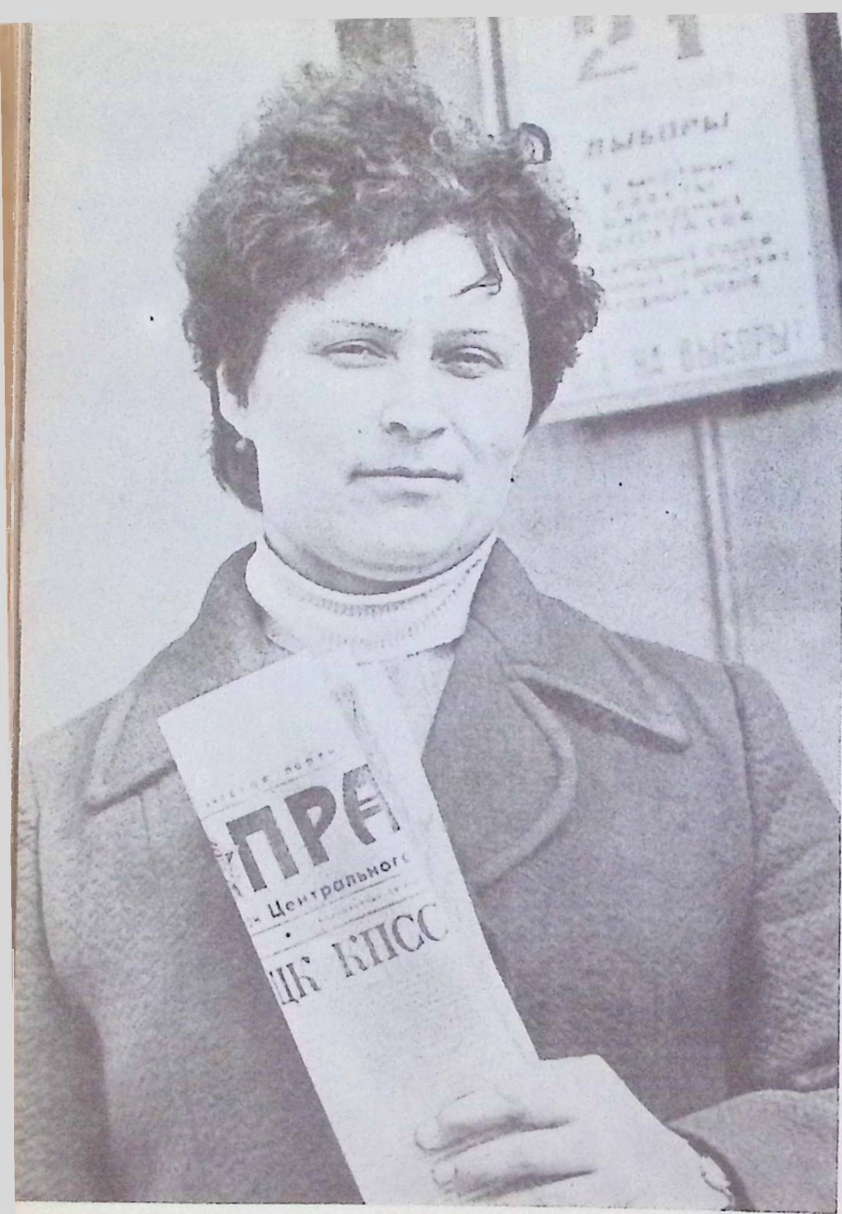
Станут ли эти девятиклассники заниматься нелегким трудом механизатора — во многом зависит от мастера Сергея Серафимовича Сухинина.

Зоя Антропьевна Столкова (слева) и Антоида Петровна Хрустаева — телятницы. Телята у них всегда ухоженные.

Для доярки 5-й фермы Татьяны Петровны Волжениной нет тайн в молочном животноводстве. Когда нужно, она работает техником-осеменатором.

По этому снимку агитатора и пропагандиста Любови Павловны Поляковой трудно угадать, что она добрая и заботливая няня, что ее должность — заведующая детским садом «Солнышко».

Закончился зональный семинар по свекловодству. Звеньевой Анатолий Сергеевич Тарасов рассказывает о нем Сергею Власову и Александру Гайдуку.

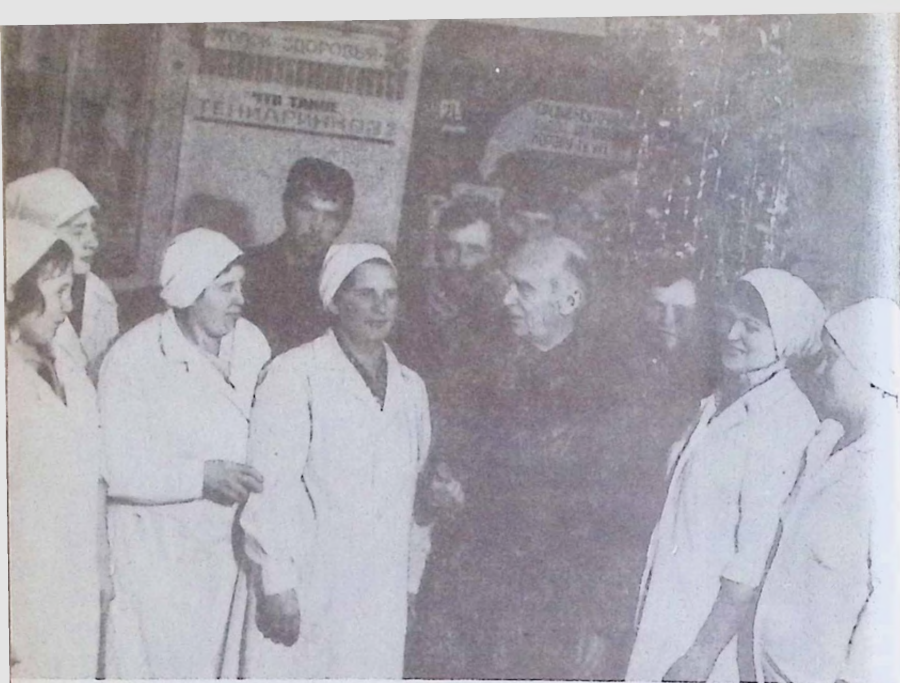
Бригадир Виктор Антонович Лиценцев (слева) и мастер-наладчик Николай Кириллович Волженин. Даже по снимку видно, что их связывает...

«Катеринински ребята — хоть на чем играть можем!» На фестивале фольклора в райцентре, с. Староалейское.

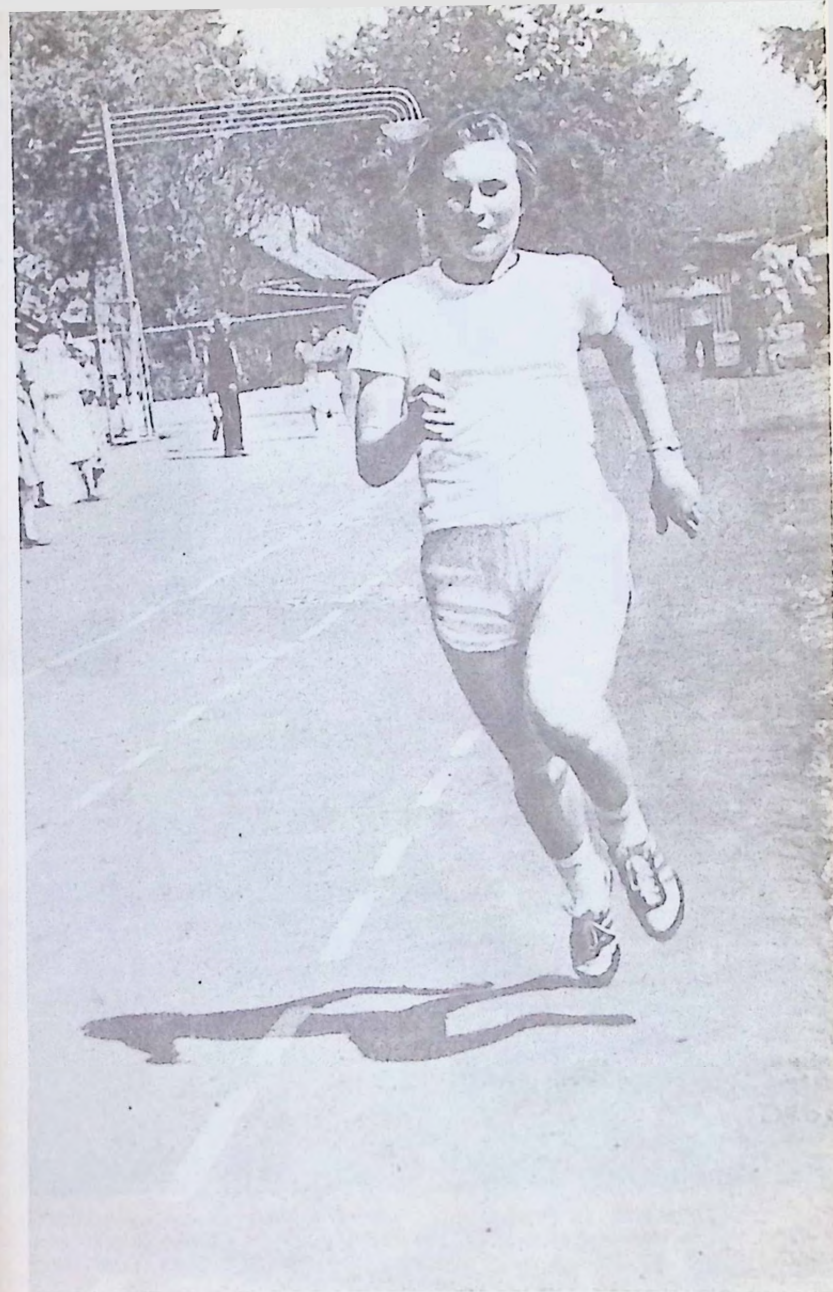
Вечера «А ну-ка, бабушки и дедушки!» стали традиционными. Насчет других возрастов этого не скажешь...

Редкий и жданный гость, да еще за несколько дней до Нового года, ну как не сфотографироваться на память! Писатель Лев Квин после выступления перед животноводами 1-й молочнотоварной фермы.

Оксана Степанова, лучший легкоатлет района.

Интересно, прикидывала ли Татьяна Петровна Степанова, сколько молока надоила за четверть века? Натруженные руки-ноги, недобраные у сна часы... — это и есть обратная сторона медали, точнее, двух орденов, что надевает она раз в несколько лет.

— Ну, как сказать? В какой-то мере, пусть не напрямую, мы все-таки заинтересовали крестьянина в результатах работы. Вот я намолотил столько-то центнеров, значит, заплати столько-то. А там, в конце года, — это еще журавль в небе. И специфика труда — сезонность. К зиме попался в кочегары, например, а где будет сеять на будущий год — кто знает. Отношение к земле соответственное: «И все вокруг колхозное, и все вокруг ничье!» Вот и нынче сколько угодно примеров было. Сам звеньевой — уж он ли не заинтересован в добросовестной работе! — нет, включает комбайн, и вперед за орденами. А что на полосе потерь, ему наплевать, получит он, в основном, за сейчас, а что потом — бог весть. И останавливает агроном или еще кто-нибудь: слезь, посмотри — это же рубли твои валяются!

И все-таки это был прорыв, качественный скачок. Стена густого равнодушия к своему труду, точнее, к его результатам, дала трещину, зашаталась. Маловато оказалось энергии в этой модели хозрасчета, в самой ее сути. Поэтому вот сейчас такой трудный, даже мучительный период раздумий: как жить дальше?

Знаю, скажете: отдайте крестьянам землю, технику в аренду. Об этом сейчас говорят на каждом углу, а нас уже чуть не в консерваторы записали: «Сибирь» бонится переходить на новую форму, ретрограды и прочее, как у нас любят...

Не боимся мы. Думаем. Ведь, понимаете, не кампания это дежурная, не очередная косметическая реорганизация, не перетасовка в структуре управления и производственных звеньях. Раздавать-то надо на годы, на го-ды! Если не получится, потом не вдруг сколотишь. И пусть нас зовут ретроградами, но мы себя уважаем за то, что выработали боязнь стадного чувства, критический взгляд на руководящие указания. Ведь как у нас осуществлялось множество «радикальных подъемов сельского хозяйства»? Получилось где-то в одном месте — ура! Равняйся, смирно, слушай мою команду, всем делать вот так! Провалилось — кругом марш, всем делать наоборот! И так, начиная со времен продразверстки в эпоху военного коммунизма до эпохи кукурузной лихорадки и торфоперегнойных горшочков и далее. Пик этой методы пришелся на кампанию сплошной коллективизации. Недавно рассекретили страшную цифру: 13 миллионов жизней стоил «великий перелом»! С такой кровью отобрать у крестьянина самое главное — землю, обещав взамен плакатное «светлое будущее»... Ладно, хватит, а то можно подумать, что история

аппаратура в том, что мы не спешим внедрять прогрессивное.

Нет, мы лучше всякого начальства чувствуем, что вот-вот у нас начнется бег на месте; начальство по показателям судит, а они у нас лучше многих прочих. И понимаем, что для дальнейшего роста нам необходим качественный скачок в организации труда. И осознаем, что альтернативы аренде нет. А это настолько серьезный шаг, это экономическая и социальная революция в деревне, если хотите. По масштабам сравнимая с введением нэпа. Даже сложнее психологически. Тогда это было впервые, а сейчас вернуться к товарно-денежным отношениям, на которых и стоял нэп, много труднее. Потому что хотя бы, что целым поколениям долбили в голову, что нэп это плохо, это «временное отступление», это вынужденный возврат к капитализму.

Вот мы и думаем. Нельзя в таком деле стричь под одну гребенку; как не бывает двух одинаковых людей, так не может быть двух одинаковых хозяйств. И мы «примеряем» аренду на себя. Ведь даже то, что пришлось в пору соседнему колхозу «Алей», нам может не подойти.

К «Алею» мы давно и зорко приглядываемся. Действительно, многое там изменилось к лучшему. Прежде всего, настроение людей. Оживились, захлопотали, глаза блестят. Как у нас, когда звенья внедряли. Радует по-соседски. Но ведь экономические улучшения у них не бог весть какие. Больше того, недавно председатель Иван Изотович Полетаев — он фанат аренды — на одном совещании плакался. У них весь колхоз разделен на арендные звенья, так вот, условия звеньям создали, они хорошо работают, и колхозники прилично получают, и в звеньях деньги есть. «А в колхозе-то денег нет, — сетует Иван Изотович, — помогите найти!» Получается так потому, наверное, что каждый теперь отвечает «вот отсюда и досюда», шаг ступил — это уже не мое, там в буквальном смысле хоть трава не расти.

Еще очень важный момент, который работает против нас, если смотреть с начальнической колокольни. В «Сибири» так уж получилось, что почти все руководители колхоза начинали поднимать потом и кровью хозяйство с самого нуля. И подняли за двадцать примерно лет. И на тебе! — по гвоздику, по кирпичику раздать колхоз. Конечно, «ура» они кричать не станут, а по-человечески их понять можно.

Хотите еще «но»? Пожалуйста. На арендные отношения, на бодрое настроение алейцев сыграла погода. Да-да, погода. А если бы неурожай случился, не дай бог, конечно?

Наш-то механизатор хоть как свои деньги получит, в крайнем случае не доберет 25% доплаты за продукцию. А соседи, пока у них запасов нет, в таком случае пошли бы по миру...

— Ну ладно, что-то в «Алее» пока несовершенно, не отлажено. Но вот о Пыталовском районе на Псковщине столько восторженных статей написано. Несколько ваших специалистов недавно ездили туда за опытом. Что привезли?

— Восторги и привезли. Действительно, здорово у них получается. Но нам их опыт никак не может пригодиться. У них хутора в основном, поселения по 2—3 дома, лоскутные поля. У нас же крупные хлебные массивы, люди живут сконцентрированно.

— А если потихоньку, осторожно начать? Создать, допустим, в Лопатинке арендную бригаду...

— Думали и об этом. И ученые из Новосибирска говорили, что надо попробовать. А мы не решаемся. Хорошо, отделим мы ту же Лопатинку. А как находилась она на территории одного большого колхоза, так и останется, экономические связи усложнятся, причем к невыгоде колхоза...

— Думаете, Лопатинка станет тянуть одеяло на себя?

— Уверены. Самый простой пример. Как мы путевки шоферам подписываем? Двадцать километров туда, а тридцать сюда — эка важность, парень хороший за рулем. Из Лопатинки хороший парень вернется несолоно хлебавши и приятелям скажет туда ездить. И так во всем, чего ни коснись. Можно представить, как отношения в конце концов сложатся: стенка на стенку.

Нет, на этот счет мы давно решили: переходить на аренду будем всем колхозом. А когда — не торопите нас. Откровенно говоря, знаете чего мы боимся? Кампанейщины. Вдруг как устроят гонки под лозунгом «Дашь сплошную арендуацию!» или вроде этого. Дайте нам подумать.

Разговор-то у нас пошел, как нелегко быть богатым. И ведь с арендой нам хуже гораздо, чем запущенному хозяйству. Если механизатор получал там всегда полторы сотни, он сразу загорится и будет до седьмого пота вкалывать за пятьсот. А у нашего пятьсот в уборку — средненький заработок, независимо от урожая. И вот в страду мы ему скажем: ты намолотил столько-то, на вот тебе полторы сотни, остальное по итогам года. Что он нам ответит? То-то и оно, что с больших денег трудно на малые перейти, даже если знаешь, что остальное получишь позже.

— Так что, тушик?

— Да нет же. Считаем, что в таком деле надо все-все предусмотреть. Эх, пришел бы кто-нибудь да подсказал: вот он, родимый, ваш прямой и светлый путь!..

— Последний вопрос, Людмила Федоровна. Представьте, что у вас самая-самая высокая власть. Что бы вы сделали с «Сибирью»?

— Чур меня, чур меня! Я б ни за что не согласилась тянуть такую лямку.

Секретарские заботы

Сначала немного статистики. По данным переписи 1989 года в трех селах Екатерининского сельсовета проживали 1547 человек. В их числе 105 механизаторов, 108 животноводов, 72 колхозных специалиста. 130 человек имеют высшее и среднее специальное образование (включая тех, кто пока на подходе к диплому).

Коммунистов всего 77, причем примерно треть — пенсионеры. У Андрея Илларионовича Гайкалова партийный стаж 48 лет, у Михаила Петровича Мартынова — на год меньше, у 90-летнего ветерана гражданской и Великой Отечественной войны Бориса Лазаревича Волженина — 37 лет, у других поменьше. Все эти люди почтенные, уважаемые односельчанами, но... Годы есть годы.

— Ты хочешь сказать, может ли заметно влиять партийная организация на колхозные дела? — уточняет секретарь парткома Сергей Алексеевич Шишаев. Ему 33 года, был трактористом, окончив Алтайский сельскохозяйственный институт, стал механиком бригады. Возглавляет партийную организацию с 1985 года.

— Сергей, ты пришел на партийную работу в переломный для страны год.

— Да, и еще в тот год о деятельности парткома я бы отчитался вот этими бумагами. Где, когда и сколько проведено собраний, сколько присутствовало, сколько выступило, о чем говорил товарищ из райкома, какое количество механизаторов и животноводов охвачено экономической учебой, а какое — политической, показал бы наглядную агитацию...

Кстати, я не увидел в Екатерининском пустых, набивших оскомину лозунгов, вроде: «Все силы на выполнение и перевыполнение такой-то пятилетки!» И стенды —

все без исключения, оформлены по-деловому и профессионально, со вкусом.

— Хороших художников нанимали?

— Нет, стройотрядовцы несколько лет подряд к нам приезжают, поправились мы друг другу. Учащиеся Новоалтайского художественного училища... Так вот, ты спрашиваешь, как влияет партком на работу колхоза. Спросил бы чего попроще. Во-первых, ни в центнерах, ни в рублях это не измеришь. А во-вторых...

И Сергей начал объяснять ситуацию, о которой не раз приходилось слышать в «Сибири». Именно в начале так называемого застойного периода к руководству хозяйством пришли новые люди, и колхоз, сначала помаленьку, а потом все уверенней пошел в гору. За эти годы в полтора раза выросла урожайность, в два раза увеличилась продажа мяса, в три раза шерсти, в два с лишним производство молока.

Преображались села, появился асфальт, засновали по дорогам личные «Москвичи» и «Нивы» колхозников. Не за приписанные центнеры получили ордена механизаторы Алексей Минеевич и Николай Кириллович Волженины, Анатолий Васильевич Раченков, агроном Иван Петрович Бондарев, доярка Таисья Петровна Степанова, председатель Анатолий Филиппович Курьянов. Несколько человек заработали в эти годы звание «заслуженный...»

— У нас ведь как привыкли судить о работе идеологов, тех же партийных работников? Если хозяйственная деятельность идет успешно, значит партком на высоте, — продолжал Шишаев, — вообще-то это, конечно, правильно. В общем случае. Но послушай дальше.

С каждым годом «Сибирь» давала государству все больше и больше продукции, а дела в государстве становились все хуже и хуже. Исчезали с прилавков продукты, предметы первой необходимости. Чем лучше работали колхозники, тем хуже приходила в колхоз сельскохозяйственная техника, и становилась она все дороже. С трудом доканывались люди: почему так, что происходит в стране? Началась перестройка, с нею гласность. Она ознаменовалась серией сенсационных разоблачений: Адылов, Чурбанов и прочее. Все у руля власти, все были членами КПСС. Для человека неискушенного, неподготовленного естественно было сделать вывод, что виновато руководство страны, а страной руководит кто?.. Вот иди и объясни рядовому колхознику, что рашидовы да кунаевы — это не вся партия, что абсолютное большинство ее членов — честные, болею-

щие за страну люди. Не случайно участились случаи выхода из партийных рядов, уменьшился приток.

Тут, по-моему, и ваш брат, пишущий, виноват. Косяком идут разоблачительные и вообще «черные» материалы: взятки, мафия, национальная резня, катастрофы, убийства. Понятно, что и до гласности все это было, но когда такой поток обрушится вдруг, сразу, на мозги неподготовленного человека... Люди ведь, особенно деревенские, верят средствам массовой информации. И у крестьянина не может не возникнуть вопрос: как это, раньше все хорошо было, разве что «отдельные недостатки», а теперь что в стране творится? Кто виноват? Партийные, кто же еще. Вот и вызывает рядовой колхозник своему соседу, члену партии, или мне, секретарю комитета, до чего, дескать, страну довели... В райком он не пойдет, а до края еще дальше.

И здесь вот, по-моему, слабое звено в нынешней идеологической работе прощупывается на районном уровне и выше. Все сейчас читают газеты, слушают радио, смотрят телевизор. Страна бурлит, значительные события происходят довольно часто. А вот квалифицированно разъяснить их, прокомментировать, разжевать, если хочешь, — некому. Это бы должен уметь любой член партийного комитета, но мы-то тоже только читали да слышали и подробней, понятней, чем сказано в газете, объяснить не в состоянии. Вот и рождаются домыслы, искажается истинная картина положения дел в стране, все предстает таким мрачным, что жить не хочется. Может быть, при обществ «Знание» должны быть такие люди, или чтобы в краевом центре была такая «летучая» группа «быстрого реагирования», чтобы буквально каждое большое событие могли разъяснить крестьянину уже на следующий день. Ведь правда сейчас дороже хлеба, и пусть бы крестьяне получали эти порции, пусть горькие, регулярно. Ну хотя бы в единый политдень.

— Прижился он у вас?

— Да, на сегодня это лучший вид информирования людей. Политинформации нас давно не устраивают, газеты каждый дома может прочесть...

— А идеологические планерки?

— Тут сложней. Вначале мы от них отказались: скучно. Но вот в прошлом, 1989, году коммунисты на собрании потребовали от комитета возродить планерки.

— Раньше ни за что бы не поверил.

— Я тоже. Но сейчас трудно найти человека, равнодушного к политике. Много мы спорили об экономической

и политической учебе. От чисто политической решили отказаться, организовали комплексные школы по производственным участкам. В программе — политический и специальный курсы. Партком посчитал, что коль скоро колхоз перешел на хозрасчет, стал работать в условиях финансовой самостоятельности, то пользы от такой школы будет больше. А результат вышел противоположный: специалисты-отраслевники стали меньше работать, решив, что главное — все-таки политучеба, а партком ослабил внимание к вопросам политического просвещения. Такая вот диалектика со знаком минус получилась. Теперь пробуем так: главные специалисты ведут учебу по профессиям с обязательным включением в программу политических вопросов. А учеба коммунистов идет сама собой. Ведь производство от политики неотделимо.

— А как же призывы направить деятельность партийных комитетов в чисто идеологическое русло, не вмешиваться в экономику?

— Если говорить о колхозе, то я решительно против.

— Вернемся пока к началу разговора. Какое-то «прикладное» значение имеет работа партийного комитета?

— Пожалуй... Ну вот подбор и расстановка кадров, например.

— Но в «Сибири», насколько я знаю, особой нужды в работниках нет.

— Сегодня. Точнее, вчера не было. Сейчас мы остро нуждаемся в собственных квалифицированных строителях, это раз. Другая насущная задача — переход на двухсменную работу. Первая ферма опробовала двухсменку с 1988 года. Заметно повысилась производительность труда, выросли надол. Рабочий день стал нормированным, и доярка не разрывается теперь между фермой и домом, значит, детям побольше внимания, семье — вот тебе социальный плюс. Попробуй теперь заставить этих женщин по-старому работать. Остальные доярки справедливо требуют того же. Можно прикинуть, сколько дополнительно рабочих рук потребуется.

А чтобы перевести на двухсменный режим работы машинно-тракторный парк, нужны еще 130 специалистов-механизаторов, шоферов. На весенне-полевых работах, на вснашке зяби мы кое-как еще выкручиваемся, снимаем людей с колесных тракторов. Но ведь и для колесников работы не впрокорот. Будут кадры — будет двухсменка и на зерновых комбайнах, и на заготовке кормов. Здесь надежда на школьников-выпускников и их воспитателей. Николая

Моисеевич Волженин и Владимир Иванович Класс готовят добрых механизаторов. В уборку-89, например, двумя комбайнами «Нива» десятиклассники Володя Подгорных, Виталий Волженин, Женя Бедарев и Петр Перов намолотили 5400 центнеров зерна! Но скольких трудов стоило уговорить Владимира Ивановича сменить должность механика по сельхозмашинам на хлопотную работу мастера производственного обучения. Вообще, кадровая работа сложна тем, что думая об интересах колхоза, надо прежде всего учитывать склонности и интересы личности.

— Сергей, ну а досуг сельчан — тоже парткомовская забота?

— Безусловно, причем одна из главных.

— Партком составил план мероприятий, и три деревни развлекаются по этому плану?

— Сейчас-то можно иронизировать. А по рассказам, когда-то и такое было. Так вот, база у нас материальная, сам знаешь, неплохая: Дом культуры, два сельских клуба, две библиотеки, три киноустановки, филиал музыкальной школы. Из 7 культработников 3 со специальным образованием. А вот массовости нет. Понимаю, словечко еще из «тех» времен.

— А «добиваться массовости» не из «тех»?

— Из тех, но ведь о работе парткома и по этому судят не в последнюю очередь. И потом село все-таки, форм досуга не так уж много и все на виду. В последние годы особенно заметно, что люди стали по домам больше сидеть. Ни петь, ни танцевать, ни даже в библиотеку не зайти.

— Библиотека в Екатерининском отличная, позавидовать можно. А в формуляры заглянул — в основном нужные по программе книги школьники берут. А взрослые — ниять, от силы десять названий одних и тех же.

— Знаю. В готовом виде потреблять: кино, телевизор, приезжий концерт — это с удовольствием. А самому силу и душу приложить — увольте. Стыдно признаться, но мы даже материальные стимулы вводили, чтобы поднять, так сказать, культуру. Сначала наказывали за неучастие в мероприятиях, в самодеятельности. Не помогает. Потом стали поощрять за участие. Еще хуже: поучаствовал колхозник, считает себя вправе претендовать на премию, обижается, если не получит... На мой взгляд, телевидение тут не последнюю роль сыграло: удобно — сиди в кресле, пей чай вприкуску с духовными ценностями. А если разобраться — обкрадываем мы себя, глушим творческие начала, об-

щаться разучились. Я уж не про колхозников, на Первом съезде народных депутатов что делалось, помнишь?

Конечно, можем мы похвастаться дипломами, грамотами, спортивными кубками и призами, но это несколько человек, а вот чтобы всем селом... Тогда бы и уровень поднимался — и общей культуры, и физической.

— Сергей, ты обмолвился, что возражаешь против разделения функций партийных, советских, профсоюзных организаций...

— Я не обмолвился, это мое убеждение. Ведь тогда мы станем просто говорунами — разъяснять, обещать, призывать. Не спорю, и это нужное дело. Но призывать надо к конкретному — значит, надо выходить в производство и устранять конкретные недостатки, значит, вмешиваться в хозяйственную деятельность. Нет, надо сразу условиться: все вопросы деятельности предприятия касаются партийных комитетов, не нужно делить сферы влияния — это Советам, это профсоюзу, это комсомолу. Работа должна вестись комплексно, согласованно и дружно. Иначе получится как в басне Крылова про лебедя, рака и щуку. Воз накопившихся проблем в обществе настолько велик, что только совместными усилиями можно вытянуть его и двигать в нужном направлении.

Прошу принять меня в колхоз...

«Сибирь» давно не числится в переселенческих хозяйствах. Острой нужды в кадрах не испытывает и в обозримом будущем рассчитывает на пополнение из своих, местных, сегодняшних учащихся школ. Закрепление молодых на селе — проблема острая, государственного масштаба, о ней написано столько, что повторения неизбежны. «Где родился, там и пригодился» — старинная русская пословица в какой-то период жизни нашей деревни начала утрачивать свой смысл. Во времена насильственной коллективизации крестьяне, лишившись земли, потеряв право распоряжаться плодами своего труда, постепенно утрачивали чувство хозяина, а с ним и классовую принадлежность. Массовая миграция в города, на стройки, куда угодно от тяжелой и ставшей неблагоприятной крестьянской работы —

этот процесс сдерживался кабальной паспортной системой: сельчанам просто не давали главного документа гражданина, без паспорта он был обречен жить где жил.

Времена менялись к лучшему, но инерция мнения, что колхозник — человек второго сорта, еще жива. Кому не приходилось слышать, как родители наставляют свое чадо: «Будешь плохо учиться — пойдешь на ферму горбатиться или землю пахать». И убегала и сейчас убегает молодежь в города в поисках счастливой судьбы. Здесь надо отметить момент, о котором нечасто говорят: большинство новопоселенцев горожан так и не приживаются в совершенно новых социальных условиях, чувствуют себя несчастными, даже имея жилье и приличную зарплату. Изменился характер труда сельчанина, в деревне произошли радикальные перемены социально-экономического плана, и вопрос воспитания молодых людей стал особенно острым.

Требования к молодому колхознику сегодня высоки. Умение быстро освоить сложную современную технику, ориентироваться в технологических процессах земледелия и животноводства, свободно владеть понятиями хозрасчета, рентабельности, пользоваться ими в повседневной работе. И к этому, конечно, надо иметь умелые руки.

В Екатеринбургской средней школе (в ней продолжает свою учебу молодежь еще из двух сел) сложилась целая система подготовки выпускников к жизни. Она пронизывает всю десятилетнюю программу обучения. Вот ее главные моменты:

овладение первоначальными трудовыми навыками в школьном учебно-производственном комплексе;

на базе слесарного и столярного цехов УПК выполняются конкретные заказы колхоза — базового предприятия; теоретическое и практическое овладение старшеклассниками профессиями механизатора и оператора машинного доения;

круглогодичная работа школьной производственной бригады. В ее составе три звена: полеводческое, животноводческое, строительное;

систематическая работа педагогов и колхозных специалистов по ориентации школьников на выбор профессий, необходимых селу.

У школы имеется вполне приличная производственная база. Три трактора, два зерноуборочных комбайна, набор почвообрабатывающей техники. Правление колхоза выделяет ребятам столько земельных угодий, сколько те в состоянии обработать.

Очень важно, что в последние годы школьники не просто ходят на уроки труда, а работают на равных с колхозниками и соответственно зарабатывают. В уборку-87 вечерашние девятиклассники С. Сюксяев, Н. Столков, В. Чепрасов двумя комбайнами намолотили более четырех тысяч центнеров хлеба. А выпускник Игорь Волженин в ту же уборку отправил на ток семь тысяч центнеров зерна, чему позавидовали многие опытные механизаторы. В 1988 году школьники, можно сказать, арендовали у колхоза 40 гектаров пашни, чтобы полностью — от посевной до уборки — обрабатывать «свой» клон, полученный урожай овса сдать колхозу и получить деньги на основании договора, аналогично с договорами хозрасчетных бригад «Сибири». Школьники Волженин, Тарасов, Яковлев намолотили в тот год 6946 центнеров зерна.

Проводимый сегодня курс ускоренного социального развития страны требует качественных перемен в сельском хозяйстве страны. Они немыслимы без гибкой, целенаправленной работы школы в этом направлении. Ведь именно здесь формируется истинный хозяин земли, понимающий свою роль и ответственность в деле ее преобразования. Школа должна сегодня растить не просто хорошего работника, а человека нравственного, одухотворенного творца и создателя.

С ростом духовных и культурных запросов крестьян естественно их желание видеть своих детей не только физически крепкими, но и разносторонне развитыми. Нынешние родители требуют от школы не только серьезной подготовки по основным дисциплинам школьной программы, но и владения музыкальными инструментами, развития способностей детей как в техническом, так и в художественном творчестве. Но при существующей школьной программе с ее ничтожными часами изобразительного искусства и музыки говорить о развитии природных дарований детей не приходится. Детские же музыкальные, спортивные школы, изостудии есть, как правило, только в районных центрах. От педагогов глубинных, так сказать, школ требуется инициатива и определенная смелость, чтобы создать условия для формирования всесторонне развитой личности. «Школа должна быть такой, чтобы детям не хотелось уходить домой» — такую цель поставили екатерининские педагоги. В 1986 году здесь — непосредственно при школе — стал работать филиал детской музыкальной школы. Колхоз охотно пошел навстречу, дал денег на музыкальные инструменты, в школе нашлись помещения для индивидуальных за-

нятий. И сейчас ребяташки занимаются по программе детской музыкальной школы по классу народных инструментов и фортепиано. Дети с удовольствием выступают и перед учащимися, и перед колхозниками, дают концерты на производственных участках.

Но все-таки эти занятия предполагают какой-то минимум природных способностей. А как приобщить к музыке всех без исключения детей? Чтобы они усвоили элементарный комплекс знаний о музыке, привить им потребность в общении с ней, сформировать навыки ее восприятия, оценки различных видов и форм. По просьбе педагогов Екатеринбургской школы Новосибирская консерватория им. И. И. Глинки разработала экспериментальный план обучения музыкально-хорового класса на базе общеобразовательной школы. Он рассчитан на работу с детьми с первого по седьмой класс включительно. В него входят все учащиеся, независимо от музыкальных способностей. Хоровое пение, сольфеджио, ритмика, слушание музыки стоят в расписании уроков либо перед чтением, либо в конце занятий.

Творческие задатки детей развиваются и через кружки прикладного искусства. Их много в Екатеринбургской школе: фото-, радио-, технического творчества, авиа- и сельскохозяйственного моделирования — в общем, на любой вкус.

Непосредственное же приобщение к крестьянскому труду, «вживание» в колхоз происходит в школьной производственной бригаде. В распоряжении девочек свой доильный аппарат; ребята ремонтируют технику, пашут, сеют, убирают урожай; строители-школьники ремонтируют школу, интернат, стадион — недавно соорудили там стрелковый тир.

Надо сказать, что на консерваторию учителя вышли по официальным каналам, через Новосибирский институт экономистов. Позже завязалось знакомство с работниками Бийского педагогического института. Три с лишним года длится взаимовыгодное сотрудничество. Не секрет, что сельский учитель лишен возможности общения с коллегами по специальности, живя вдали от науки, со временем он невольно костенеет в своей методике, во взглядах на учебный процесс. Преподаватели пединститута рекомендуют новые научные методы по контролю психологических особенностей детей, совершенствованию методики преподавания. Сельские учителя считали, например, что школьники в массе своей на лету схватывают новый материал. А когда кандидат психологических наук провела с учащимися тестиро-

вание на уровень восприятия, педагоги были несколько обескуражены итогом: показатель был ниже, чем ожидалось. Теперь по рекомендациям бийских преподавателей они стали проводить упражнения для улучшения индекса восприятия. В свою очередь ученые накапливают интересный материал для исследований. Можно надеяться, что со временем Екатеринбургская средняя школа станет базовой для Бийского пединститута, хотя расстояние не близкое.

Школа реорганизована в среднюю в 1979 году. За девять лет аттестат зрелости получили 141 выпускник. Из них 101 остался работать в своем районе, а 84 — в родном селе. 79 человек работают непосредственно в сельскохозяйственном производстве, 19 стали учителями и воспитателями, 5 — медицинскими работниками.

А каким видят свое село в недалеком будущем нынешние воспитанники школы? Из пачки сочинений на эту тему мы выбрали несколько отрывков:

«В 2000 году село будет большим и красивым. Оно будет совсем как город. Именно «как», потому что я не хочу, чтобы наше Екатеринбургское стало городом. Здесь построят кинотеатры, школы и дома пионеров, парки отдыха и плавательные бассейны. Но у нас по-прежнему будут доить коров, выращивать телят, стричь овец, разводить лошадей. Только труд доярков, телятников, скотников, конюхов будет полностью механизирован и автоматизирован. Словом, наше село станет еще крепче, еще красивее. Наше село будет самым хорошим!»

Д. Степанов, 4-й класс.

«Наше село красивое. Я хочу, чтобы в нашем парке был фонтан, много качелей, каруселей, цветов, ягод, деревьев, чтоб мороженое».

К. Пономарева, 1-й класс.

«Когда я окончу школу, я буду строить парки. В парке будет обязательно фонтан. В фонтане плавают рыбки. И чтобы стояли скамейки. И чтобы карусели».

А. Шишаев, 1-й класс.

«У нас есть стадион. Мне он очень нравится. На стадионе есть турники, хоккейная коробка, беговые дорожки. Зимой катаются на коньках, летом играют в футбол, волейбол, и городки. Я хочу, чтобы на стадионе был бассейн и киоск, где продавали бы мороженое».

С. Гартман, 1-й класс.

«Мне будет 20 лет в 2000 году. Я буду работать учительницей в нашем селе».

Л. Шейнина, 1-й класс.

«В 2000 году я уже приду из армии. Буду работать на машине. Некоторые будут футболистами».

С. Раченкова, 1-й класс.

«Хочу, чтобы в нашей деревне был магазин «Детский мир», а в нем чтобы много игрушек».

К. Тарасов, 1-й класс.

«В 2000 году будет школа-пятидневка. Урок будет длиться 30 минут, перемена — 25 минут. Ученики будут так рассказывать на уроке, что и учитель узнает что-то новое. Ученики и учителя будут понимать друг друга».

Е. Кудрявцева, 5-й класс.

«Я представляю мое село очень красивым, с пышной растительностью, многолюдным. Приветливые, отзывчивые люди помогают друг другу в труде и в беде».

Л. Степанова, 5-й класс.

«В 2000 году я буду работать продавцом. Хочу иметь дом со всеми удобствами».

Т. Зырянова, 3-й класс.

«Я хочу жить в селе Екатерининском. У меня будет дом с балконом. Я буду держать скотину. Не только у меня будет красивый дом, но и у всех жителей будут красивые дома».

Е. Шапорева, 3-й класс.

«И я хочу, и хочет вся страна,
Чтоб на земле был мир всегда!»

В селе будет свой колхозный сад. В саду будут расти яблоки, сливы, вишни, груши».

А. Шейкин, 3-й класс.

«Когда я приеду из института из города Рубцовска, будут всем давать благоустроенные квартиры. В нашем селе будет построена боль-

ница и поликлиника, и людям уже не придется ехать в районный центр. Я хочу, чтобы в нашем селе было жарко, как в Южной Африке».

Н. Шишкарёва, 3-й класс.

«Учеников в школе будут учить с помощью роботов. Они узнают много нового о жизни нашей Родины и других стран».

В. Забарина, 3-й класс.

«Я хочу окончить институт культуры — это обозначает быть музыкальным учителем. Я буду жить в Екатерининском. И в 2000 году дети будут сидеть на кресле и слушать музыку. Будут летать на другие планеты и там слушать музыку».

И. Бондарева, 3-й класс.

«В 2000 году я закончила медицинский институт. Приехала работать в родное село, в свою больницу. Моя младшая сестра Лена будет кончать школу, поступать в институт. Старший брат Олег будет работать в родном селе инженером. Брат Дмитрий будет агрономом. Мама будет работать в новом детском саду. Папа будет работать на строительстве нового магазина «Детский мир».

Т. Полякова, 3-й класс.

«Я буду работать трактористом в колхозе «Сибирь». Трактор — это мощная машина, которая сдвигает груды песка».

А. Шапоров, 3-й класс.

«Я буду работать летчиком. Я так решил, потому что на небе много приключений. Летчик на своем самолете или вертолете как бы путешествует. А я путешествовать очень люблю».

А. Шишаев, 3-й класс.

«Зазеленеют новые сады и парки. Будет больше хлеба, молока, мяса. В новых магазинах будут продавать новые товары».

Е. Хабарова, 3-й класс.

«Пройдет много-много лет, точнее — 12, и наступит 2000 год. Вернусь я домой из армии, а мое село еще краше. За улицей Молодежной построена новая улица, где будут жить одноклассники, а потом буду жить я!»

В. Раченков, 2-й класс.

«В 2000 году все люди в нашем селе будут счастливыми!»

Е. Колесникова, 2-й класс.

Возвращение к земле

Прочитал сочинения школьников и председатель. Когда мы заговорили о будущем «Сибири», на лице Анатолия Филипповича появилось непривычно грустное выражение, задумчивость.

— Хорошие ребяташки растут, — улыбнулся он и надолго замолчал. Потом заговорил быстро, сбивчиво, выплескивая давно наболевшее.

— Понимаешь... Вот 20 лет уже я в «Сибири». Каждый год, каждый день с темна дотемна работа, суета, хлопоты. Не пустые хлопоты, знаешь, чего мы добились. Ну вот, казалось, сейчас поднимем настриг шерсти, завтра повысим урожайность до 20 центнеров, потом сделаем оросительную систему, возьмем столько-то кормовых трав с гектара, повысим продуктивность дойного стада и так без конца... Повышали, увеличивали, добивались, крутились, обходили всякие приказы, дурацкие инструкции, в общем, вкалывали от души в брежневскую эпоху, очень многое сделали.

И вот года три назад, когда в стране начались крутые перемены, мы как будто с разбега ударились в пустоту. Да-да... Будто какие-то шоры стали сползать с глаз. Или неожиданно светофор появился при быстрой езде. А на нем красными буквами: а для кого это все, зачем, для чего нужна была эта гонка? Все эти рекорды, авралы, недосыпания, нервотрепка? Вроде бы ясно: для процветания страны, государства. Ведь до того привыкли, приучили нас к демагогическим лозунгам, что и вопроса не возникало: а что такое, собственно, государство? Брежнев как вершина государственной власти и весь подчиненный ему аппарат? Или наши вечные труженики Волженины, Раченковы, Лопатины, Степановы? Фундамент этой пирамиды, стоящий на земле и кормящий остальные этажи власти. Во имя чего они вкалывают? Почему раньше такие вопросы не бередили душу? Больше думалось — вот это хорошо сделаешь, и вверху довольны тобой будут... Не знаю кому как, а для меня перестройка — дело мучительное...

Этот 8-квартирный дом со всеми удобствами колхоз построил специально для одиноких ветеранов. «Его надо переименовать в Дом солисти», — с горечью говорят некоторые. Да, у большинства этих старух сыны и дочери живут поблизости, в полном достатке...

А у нас уже делают зимний бассейн.

«А вдруг укол?» — сомневается Оленька Столкова. Фельдшер Алла Ивановна Раченкова (слева) и санитарка Екатерина Сергеевна Ливенцева говорят, что уколы ставят только больным.

«С новым учебным годом, Нина Васильевна!» — поздравляют ребятки свою учительницу Н. В. Лопатину.

Редкий концерт обходится без Надежды Шутовой, повара детского сада «Солнышко».

В филиале детской музыкальной школы.

Таня Десятникова, музыкальный руководитель детского сада «Солнышко» со своими юными артистами.

Звероводы подводят итоги года. В центре — заведующий зверофермой Юрий Иванович Сергиенко.

«Мужиков кормить не будешь — работать не будут», — справедливо считают повара колхозной столовой Татьяна Андреевна Яковлева и Любовь Николаевна Волженкина.

«Лет бы двадцать назад носить такой воротник!», — говорит зверовод Мария Евдокимовна Волженкина.

Леонид Иванович Шишаев — потомственный крестьянин. Но уже столько лет на командных должностях, что взяв в колхозе бычка на откорм, подчас не может с ним сладить.

Надежда Волженина — продавец в промтоварном магазине. Односельчане уважают ее за ровный, приветливый нрав. «Работы маловато, торговать почти что нечем», — жалуется она.

Валентина Николаевна Петрова много лет работает «овечьей акушеркой» — сакманищей. Эти ягнята — очередное пополнение колхозной отары.

Ветеранам войны есть о чем поговорить. Яков Харлампиевич Шипаев и бывшие войны-интернационалисты Юрий Дьяков и Николай Раченков.

Дмитрий Климович Степанов поворчал, что оторвали от хозяйственных дел, однако надел «парадный» пиджак и взял прочитанную утром газету... (см. очерк «Ермолаевна и Климыч»).

Для правнучки — забавные побрякушки, а для Андрея Илларионовича Гайкалова — вехи проходящей жизни. Война, труд, труд...

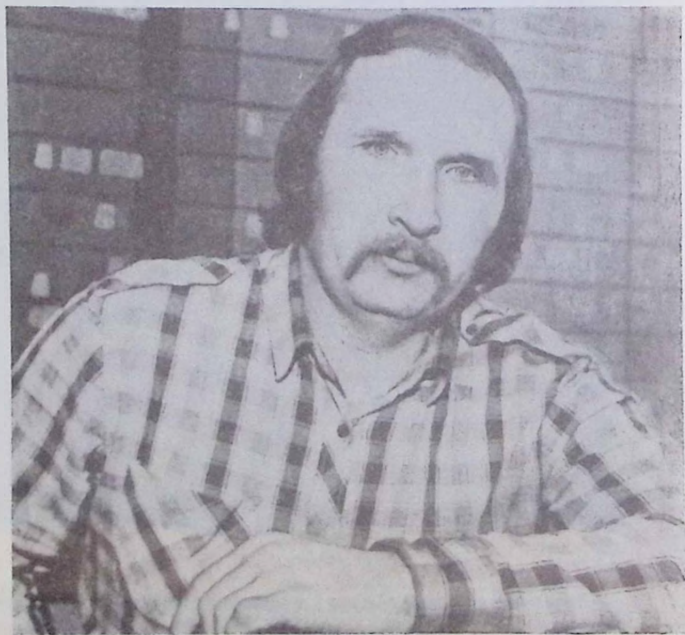
Главный бухгалтер А. Г. Раченкова — центральная фигура в конторе. «Председатель у нас — первый человек в колхозе... после Антона Григорьевича», — шутят в Екатериновском.

Главный экономист Людмила Федоровна Романова в звене кормо-
заготовителей (см. очерк «Трудная жизнь миллионера»).

Заведующая токком Мария Степановна Раченкова всегда приветлива
и энергична.

Кавалер ордена Ленина механизатор Виктор Михайлович Де-
вягин.

.Один из лучших механизаторов колхоза Алексей Пастухов.

«Теперь-то что — живи да радуйся!» — говорит Агафья Ермолаевна
Андреева (см. очерк «Ермолаевна и Климыч»).

Дмитрий Семенович Шапоров много лет руководил колхозом в самые трудные времена. «Как он работал! Сутками мотался на коне, вернется — лица на нем нет. Чуть поспит и снова пропал. Да за что же такая горькая судьба-то им выпала?..» — вспоминает вдова Шапорева Ольга Мартемьяновна

Да, мы передовые, да, благосостояние наших колхозников, как принято говорить, на высоком уровне. Но... вот давай выйдем на балкон. Вот смотри: раз, два, три... десять, двенадцать домов из белого кирпича только с этой точки видно. Просторные, с водопроводом, все в зелени дома. Когда-то гордились. А сейчас подумаешь: да за что же наши крестьяне с их заработками должны в казармах жить. Они по одному проекту все, глазу не за что зацепиться. Но ведь казарма никогда не станет родным домом, какой бы благоустроенной ни была. А нас хвалят: никакой очереди на жилье нет — редкий случай.

Да, мы богато живем. Однажды прикинули и ахнули: на семью в «Сибири» приходится около 6 тысяч рублей денежных вкладов в сберкассах, в сбербанк, как он сейчас зовется. Общая-то сумма вкладов — не тайна. Если отбросить полуниную молодую интеллигенцию да бездетных пенсионеров, это сколько же денег у людей на руках? А глянешь — в домах одно и то же: мебель, еда, одежда. Ну, кому повезло — обзавелся автомобилем. Что толку, какая радость от этих денег? Но ведь деньги — мера труда, выходит и труд впустую? А это уже страшновато. Выходит, и я жизнь положил на то, чтобы в собственном гараже «Волга» стояла да грудь от наград светилась. Мало-вато для человека...

Не все, далеко не все нравится мне в перестроечном времени. Что? Да вот, самое простое. Лучшие наши механизаторы в хозрасчетных звеньях, работая день и ночь, зарабатывают до 700 рублей среднемесячных. Кооперативщики в райцентре делают из сахара такие штуки вроде мочалок и выгоняют больше тысячи. Справедливо? Очень не нравится, часто в газетах пишут о самостоятельности колхозов, а где она? Будто в другой стране живем. Или где-то на полпути от Москвы до Екатерининского есть какая-то трясина, где все доброе вязнет?

Но что для меня дорого: сняли шоры, стали мы понимать, что государство — это и есть наши Волженины, Раченковы, Лопатины, Степановы. А то, что мы считали государством, — всего-навсего, аппарат управления. Инструмент необходимый, он нужен нам. А получилось — мы ему нужны для его сверхобеспеченного существования. А ведь это целая революция в голове, трудная, правда...

И уже не кажутся детски наивными мечты ребятнишек, чтобы в Екатерининском били фонтаны, продавали мороженое, зеленели сады и парки. Именно для этого и стоит

работать, а не для того, чтобы попасть на районную Доску почета.

В колхозе для нормальной жизни людей сделано многое. Жилье, улучшение условий труда, повышение зарплаты... Но, положив руку на сердце, делалось это не столько для человека, сколько для того, чтобы привязать человека к колхозу, к производству, в конечном счете — для повышения производительности труда. Старая истина — кто плохо живет, тот плохо работает.

А сделать добро для людей просто во имя добра — вот это, я думаю, и есть человеческий фактор, о котором теперь много говорят. От такого добра человек не просто привязан к производству, а начинает любить свое село, свою землю.

Построили вот пекарню недавно, хотя раньше из райцентра нас в достатке снабжали хлебом. Но теперь мы едим свой хлеб. И не только хлеб — можем своим тортом угоститься, со своей выпечкой чаю попить. Разница, я думаю, большая, не говоря про то, что наше действительно вкуснее.

Начали впервые в районе (и не только в нашем) продавать колхозникам мясо по 3 рубля, овощи, яйца гораздо дешевле кооперативных цен. Расширяем чуть не вдвое ясли-сад и делаем там плавательный бассейн.

Затеяли строить Дом культуры. А в старом здании клуба разместим современное скорняжное производство.

И дома теперь люди будут строить, да уже и строят, такие, какие им по душе. Конечно, поможем и ссудой, и стройматериалами, но делай, ради бога, жилище по своему разумению, чтобы и ты, и дети твои чувствовали: это твой дом. Наверное, можно и вот так, косвенно, вернуть крестьянину чувство хозяина, которое выколачивали из него, начиная с 1930 года до нынешних дней? Вернуть его к земле. Понимаю, надо бы отдать саму землю, но будет ли лучше? Я именно про «Сибирь» — у нас так крепко все сколочено и отработано — вынь одно звено, может все рассыпаться. Подумаем крепко, там будет видно. А вот так о крестьянине позаботиться, чтобы почувствовал себя хозяином — этот ведь тоже путь... А при нынешней демократии люди сами потребуют аренды, если почувствуют, что отстаем мы, пробуксовываем. Но пока рядовые колхозники присматриваются к соседям-арендаторам не без скепсиса. И главное — не гоните вы нас, не стригите всех под одну гребенку, мы давно сами с усами, сколько же можно держать нас на коротком поводке.

Да, у нас наступает предел и в животноводстве, и в растениеводстве. Но ведь можно расти и «вширь», так сказать. Сразу вдвое расширяем звероферму. Будем делать скорняжный цех, будем искать выход на пушные аукционы — единственная у нас тропинка к инвалютным рублям. Будут они — будет «окно в Европу», скачок, о котором мечтаем: это и техника, и новые породы скота, и прекрасный ширпотреб для наших колхозников.

Съездил в Белоруссию, в Брестскую область, есть там отличное производство дубленых полушубков. Сделаем себе не хуже. Будем часть алтайской тонкорунной овцы заменять романовской для этого дела.

Это текущие дела. А в их числе и парк с фонтаном и мороженым, о чем мечтают ребяташки. Место прикинули. Но, наверное, сначала надо привести в порядок рощу в пойме Алея — сам видал, какая там красота. Но захламлено, изъезжено гусеницами; изуродована техникой водоохранная зона. Делать надо срочно, пока еще этот кусочек природы восстановим.

Так что мечты ребяташек вписываются в наши планы. А вот им, думаю, предстоят дела посерьезней. Особенно в растениеводстве. Вознесли мы до небес интенсивную технологию, увлеклись, как всегда, без оглядки. Да что говорить — половину своих миллионов мы заработали на интенсифике. А вот сейчас начинается «похмелье». Цифры по нитратам постепенно ползут к предельно допустимым. Самое страшное — не только в овощах, но и в хлебе отравы появилась. Опять к тому же вернусь: на кой черт нам эти высокие показатели, всякие знамена в соцсоревнованиях, если мы человека травить своей продукцией будем? Из-за этой химии и деревня-то уже не деревня. Жаворонка не услышишь, перепелки, коростеля скрипучего — и того извели. В Алее один пескари да окуньки с ногой остались, а раньше налимы, щуки водились, сомов на полпуда ловили. Где это все? Так что следующему поколению, наверное, придется переходить на естественное земледелие, на органику, проще говоря, на навоз.

Надо думать об орошаемом земледелии. Прибавка от мелиорации громадная, слов нет, но как заменить обветшалое оборудование в условиях рынка, непонятно.

В животноводстве тоже назревают проблемы. Надо полностью менять породу коров — симменталки близки к потолку надоев, резервы кормов по количеству и белкам на пределе. Срочно надо сокращать поголовье овец, пока они не «съели» нас.

В общем, ребятишкам, что писали сочинения, мы передадим крепкое хозяйство с парками и фонтанами, но с такими трудными задачами, что готовиться их решать надо начинать сегодня.

Думаю, им все-таки будет лучше жить, должна перестройка раскрепостить крестьянина, сделать его хозяином, вернуть к своей родной земле.

И надеюсь, не будут нынешние молодые вздрагивать от сильного глухого рокота, когда дрожат стекла в окнах — Семипалатинск-то рядом...

Продолжение следует

Этим председательским монологом и можно бы закончить книжку. Но вот дела привели в эти края, завернул в Екатерининское, а здесь на каждом шагу новости. У крайнего дома старая моя знакомая тетя Тоня Шишаева выгнала корову в стадо, поговорили пяток минут. Спросил не без корысти, когда собирается печь хлеб: такого вкусного хлеба, как у Шишанхи, редко приходилось в жизни отвеживать. «А не пеку, второй месяц как не пеку, — обрадованно ответила тетя Тоня, — это ране казенный хлеб со Староалейки возили, никудышный был хлебушко. А теперь пекарню пустили, так куда с добром!»

Улицы изрезаны траншеями, во многих лежат новенькие трубы, кое-где уже обмотанные блестящей изоляцией. Торопятся, видимо, к зиме дать горячую воду в первую нитку центрального отопления. Около двух месяцев не был я здесь, за это время появился второй детский сад, точно такой же, соединенный со старым крытой галереей, в нем по проекту должен быть плавательный бассейн-«лягушатник» для детворы. На другой стороне улицы, вот уже совсем неожиданности! — объемистое двухэтажное сооружение, подведенное под крышу. Когда уезжал, на этом месте, как корень зуба, торчал только цоколь будущего Дома культуры. Теперь уже видно, что это будет не только самое большое, но и самое красивое здание в Екатерининском.

«Привет! — похлопал по плечу еще один знакомый. — Дави завтра на рыбалку смотаемся, чебаков подергаем!» Думал, шутит — начало сентября, погода отменная, уборка в разгаре. «Вчера отмолотились, — рассеял он мои сомнения. У меня под шесть тысяч центнеров вышло...»

Анатолий Филиппович Курьянов против обыкновения был не по-утреннему беспечен, оживлен, круглое лицо излучало снисходительное добродушие победителя.

— За 21 год, сколько работаю, первый раз так лихо отмолотились. Нет, второй, в семьдесят, кажется, шестом. Но тогда и урожай-то был около 18 центнеров, брать легкого было.

— А нынче?

— За 25 по кругу. Если на рубли перевести.

Курьянов привычным движением подвигает счеты, постукивает косточками, отвечает осторожно, боясь спугнуть и явно занижая цифру:

— Если чистыми, то около пяти миллионов.

— А постановление о продаже сверхпланового зерна на валюту — тоже вылами? Специально для вас писано.

Курьянов мгновенно «заводится»:

— Авантюра какая-то, а не постановление, — зашагал сердито по кабинету. — Мы, может, больше других о таком мечтали, а что получается? Ну, во-первых, куда только ни звонил, никто толком не может объяснить или не хочет. Купил я, положим, фээргэвский комбайн. Кто его на месте принимать будет, за чей счет транспортировка от границы до нашего колхоза, где гарантии, что он укомплектованный придет? Боюсь — может столько посредников примазаться из всяких внешнеторговых маклерских контор, что и смысла не будет покупать. Дальше: известно только, что курс будет один к десяти. Откуда, с какого высокого потолка взята цифра? Ведь это грабеж среди белого дня, говорят, спекулянты в Москве по такому тарифу скупают валюту: червонец за доллар.

Я поначалу обрадовался, а потом... Ну почему мне родная Советская власть не доверяет, почему я сам не могу договориться с границей? Все та же психология: крестьянин хитрый, все обмануть норовит, под себя гребет...

— А чем дело с автобусом кончилось?

— Тем, чем и ждали мы, надули нас бесовски.

Тут надо пояснить. В 1988 году колхоз получил такой высокий урожай подсолнечника, что по условиям соревнования был премирован автобусом. По такому случаю автобус, который «Сибирь» должна была получить по очереди, отдали другому хозяйству. А премиальный?

— Отказался завод-изготовитель отгружать машину в счет премии — цена-то много ниже. Как ребятишек в интернат и обратно по домам возить — ума не приложу, стальной на честном слове уже не держится.

Вообще у председателя мнения о переменах в стране убежденные, они опираются на двадцатилетний каторжный труд на этом посту.

— Руки развязали, дышать легче стало, побольше самостоятельности — это все здорово! Но сейчас работать невозможно стало, какая неразбериха кругом. Все эти реорганизации, перетасовки, черт знает что, не поймешь, в какой кабинет стучаться, если надо что-то решить. Я с одним сельскохозяйственным начальником разговаривал начистоту. Что изменилось, спрашиваю, после всех реорганизаций? А ничего, говорит. Только после каждой перетасовки оклад на 30—40 рублей повышается. А делаю то же. Пойми, я не за сильную руку, когда шаг в сторону не сделаешь, упаси бог! Но я за твердый порядок. Но кто сказал, что демократия — это анархия, какая сейчас во многом творится. Наоборот, я убежден: чем больше демократии, тем больше должно быть порядка!

Вот представь: крестьянин решил поставить новый дом. Прикинул — кое-что из материалов есть, знает примерно, какое ему жилье нужно и — а-а! была не была! — пошел старую тесную хибару крушить. Да ты стены у нового выведи, там уж видно будет. Что-то похожее сейчас в сельском хозяйстве творится. Я за многие годы единственный вывод сделал, давно, о перестройке еще и не мечтали, — надеяться надо только на себя. Когда-то по молодости ду-мая: вот произведем больше продуктов, государство побо-гаче станет, оно и поможет с жильем, со светом, с теплом и прочим. Не помогло. Потому мы давно сами для себя все делаем. Если винкнуть поглубже, основные задачи перестройки мы сами для себя решили великими трудами...

СОДЕРЖАНИЕ

Откуда есть пошла...	3
Ермолаевна и Климыч	6
Курьянов	32
Позднее призвание	32
Шипуниха	34
Екатерининское	37
Трудная жизнь миллионера	44
Секретарские заботы	52
Прошу принять меня в колхоз...	57
Возвращение к земле	64
Продолжение следует	68

Валерий Романович Крючков

РОДОМ МЫ КРЕСТЬЯНЕ

Рецензенты:

С. И. Бровашов — чл. СЖ СССР,
А. А. Хорошилов — научный сотрудник
партархива

Художник В. Еранкин
Художественный редактор И. Азисов
Технический редактор Т. Сапрыгина
Мл. редактор Л. Кайгородова
Корректор Г. Ульченко

Сдано в набор 12. 03. 1990 г. Подписано к печати 19. 06. 1990 г. Формат 84x108 1/32. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 3,78+1,68 вкл. Уч.-изд. л. 5,992. Тираж 3000 экз. Заказ № 1070. Цена 90 коп.

Алтайское книжное издательство Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли — 656015, Барнаул, Ленина, 76.
Производственное объединение «Полиграфист» управления издательства, полиграфии и книжной торговли крайисполкома — 650023, Барнаул, Титова, 3.